Коммерсантъ 27 НОЯБРЯ 2020 НОМЕР 40

WEEKEND

DIOR.COM - 8 800 550 68 85

DIOR

ОТКРЫТИЕ БУТИКА УЛ. ПЕТРОВКА, Д.11

Содержание

ПРОЕКТ

50 книг, которые вы могли бы купить на non/fiction А купите где-нибудь еще

8

МНЕНИЯ

6 **«Муж в семье — буржуа, жена представляет пролетариат»**
Фридрих Энгельс **о вреде государства и брака**

ГОРОД

18 **Что будет с пригородом**
Григорий Ревзин **о городе будущего**

ЗВЕРИ

20 **Портрет писателя с котиком**
Домашние животные, помогавшие писателям писать

ВЫСТАВКИ

22 **Высокохудожественное надувательство**
Анна Толстова **о выставке Ли Бул и искусстве перенастройки смыслов**

КИНО

25 **Что смотреть на «Артдокфесте»**
Выбор *Ксении Рождественской* и *Константина Шавловского*

28 **Телефонное право свободы**
Алексей Васильев **о «Человеческом голосе», в котором Тильда Суинтон крушит декорацию, а Педро Альмодовар — собственный стиль**

СЕРИАЛЫ

31 **Игра протоколов**
Татьяна Алешичева **о трех главных женщинах Британии 1980-х в новом сезоне «Короны»**

МУЗЫКА

32 **Альбомы ноября**
Выбор *Бориса Барабанова*

РЕСТОРАННАЯ КРИТИКА

34 ***Дарья Цивина*** **о «Белуге» и 6 am bread kitchen**

ЕДА

35 ***Алексей Зимин*** **о сырных лепешках на кефире**

КОЛЛЕКЦИИ

36 **Новые наряды культовой сумки**
Марина Прохорова **о Dior Lady Art № 5**

ВЛАДИМИР ЖЕЛОНКИН
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР АО «КОММЕРСАНТЪ», ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ГАЗЕТЫ «КОММЕРСАНТЪ»
ВАСИЛИЙ БИРЮКОВ
ГЛАВНЫЙ ХУДОЖНИК

ЕЛЕНА НУСИНОВА
ШЕФ-РЕДАКТОР
ТАТЬЯНА ШИШКОВА
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ДАРЬЯ СМОЛЯНИНОВА
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОЛЬГА ФЕДЯНИНА
РЕДАКТОР
ДАРЬЯ ТИМЧЕНКО
ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

МАРИЯ БЕССМЕРТНАЯ, УЛЬЯНА ВОЛОХОВА, НИКИТА СОЛДАТОВ
РЕСЕЧЕРЫ
МАРИНА ПРОХОРОВА, ВИКТОРИЯ МИХАЙЛЕНКО
SHOPPING, BEAUTY

ТАТЬЯНА НАЗИНА
МЕНЕДЖЕР ПРОЕКТА
НАТАЛЬЯ КОВТУН
АССИСТЕНТ
ЕЛЕНА ВОЙНАЛОВИЧ
КОРРЕКТОР
СЕРГЕЙ ШАПОВАЛОВ
КОРРЕКТОР

МАРИЯ ЛОБАНОВА
БИЛЬД-РЕДАКТОР
ВИКТОРИЯ МИХАЙЛЕНКО
ФОТОРЕДАКТОР
ИГОРЬ КИРШИН
СВЕТЛАНА ЗАИКИНА
ВЕРСТКА

ДИРЕКЦИЯ ПО РЕКЛАМЕ:
ОТДЕЛ ПРОДАЖ –
НАДЕЖДА ЕРМОЛЕНКО;
E-MAIL:
ERMOLENKO@KOMMERSANT.RU

ОТДЕЛ РАЗМЕЩЕНИЯ –
НАТАЛЬЯ ЧУПАХИНА;
E-MAIL:
CHUPAHINA@KOMMERSANT.RU
(495) 797 6970 д. 2772

ЖУРНАЛ «КОММЕРСАНТЪ WEEKEND» ЗАРЕГИСТРИРОВАН В РОСКОМНАДЗОРЕ ПИ №ФС77-64418 31.12.2015. УЧРЕДИТЕЛЬ — АО «КОММЕРСАНТЪ».
АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ: 123112, Г. МОСКВА, ПРЕСНЕНСКАЯ НАБ., Д. 10, БЛОК С · ТИПОГРАФИЯ: PUNAMUSTA, KOSTI AALTOSEN TIE 9, 80141 JOENSUU, FINLAND · ЦЕНА СВОБОДНАЯ. ТИРАЖ 63 500 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

16+

← МАТЕРИАЛЫ НА ТАКОМ ФОНЕ ПУБЛИКУЮТСЯ НА КОММЕРЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИХ СОДЕРЖАНИЕ НЕСЕТ РЕКЛАМОДАТЕЛЬ

РИМ СЕРПЕНТИ Реклама

BVLGARI
ROMA

SERPENTI
BVLGARI.COM

МОСКВА • САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • АЛМАТЫ • БАКУ • КИЕВ

«Муж в семье — буржуа, жена представляет пролетариат»

Фридрих Энгельс о вреде государства и брака

28 ноября Фридриху Энгельсу исполняется 200 лет. К юбилею перечитали его рассуждения о государстве и браке и выбрали те, которые не утратили актуальности

PARETSKI.ORG

Современная индивидуальная семья основана на явном или замаскированном домашнем рабстве женщины, а современное общество — это масса, состоящая сплошь из индивидуальных семей, как бы его молекул. Он [муж] в семье — буржуа, жена представляет пролетариат.

Как в грамматике два отрицания составляют утверждение, так и в брачной морали две проституции составляют одну добродетель.

«Ум зависит от желудка»,— говорю я, после того как испытал, до какой степени глупости и неспособности может довести человека катар желудка.

Как по пятам моногамии следуют гетеризм и проституция, так по пятам земельной собственности отныне неотступно следует ипотека.

Против супружеской неверности, как против смерти, нет никаких средств.

Если строгая моногамия является венцом добродетели, то пальму первенства следует отдать ленточному червю, в 200–300 члениках которого содержится по одному мужскому и по одному женскому половому аппарату, а весь червь всю жизнь занимается тем, что в каждом членике совокупляется сам с собой.

Конкуренция есть наиболее полное выражение господствующей в современном гражданском обществе войны всех против всех.

Есть два способа разложить нацию: наказывать невиновных и не наказывать виновных.

Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Сила, нужная ему для подавления другого народа, в конце концов всегда обращается против него самого.

Не будем слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она мстит нам.

Так как при любой форме брака люди остаются такими же, какими были до него, а буржуа в протестантских странах в большинстве своем филистеры, то эта протестантская моногамия приводит только к невыносимо скучному супружескому сожительству, которое называют семейным счастьем. Лучшим отражением обоих этих видов брака служит роман: для католического — французский, для протестантского — немецкий. В том и другом «он» получает «ее»: в немецком молодой человек — девушку, во французском муж — пару рогов. Не всегда при этом ясно, кто из них оказывается в худшем положении.

Государство — это организация имущего класса для защиты его от неимущего.

В отношениях между отдельными капиталистами, как и между целыми отраслями производства и между целыми странами, вопрос о существовании решается тем, обладают ли они выгодными, естественными или искусственно созданными, условиями производства. Побежденные безжалостно устраняются. Это — дарвиновская борьба за отдельное существование, перенесенная — с удесятеренной яростью — из природы в общество. Естественное состояние животных выступает как венец человеческого развития.

Первое условие всякой свободы — ответственность всех чиновников за все свои служебные действия по отношению к любому из граждан.

Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором.

И что за чудесная организация этот родовой строй во всей его наивности и простоте! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворян, королей, наместников, префектов или судей, без тюрем, без судебных процессов — все идет своим установленным порядком. Всякие споры и распри разрешаются сообща теми, кого они касаются,— родом или племенем, или отдельными родами между собой; лишь как самое крайнее, редко применяемое средство грозит кровная месть, и наша смертная казнь является только ее цивилизованной формой.

Ученых можно побить только их же оружием — цитатами.

50 книг,

которые вы могли бы купить на non/fiction

А купите где-нибудь еще

Традиционная ярмарка интеллектуальной литературы в этом году не состоится — она перенесена на март. Но издательства все равно подготовили новинки, а мы все равно выбрали самые интересные. Игорь Гулин и Лиза Биргер рассказывают о книгах, которые помогут скоротать наступающую коронавирусную зиму

Неловкий вечер

Марике Лукас Рейневелд

Голландский автор Марике Лукас Рейневелд — агендер, предпочитающий обращение «они». В прошлом году они получили за свой первый роман международного «Букера», став самым молодым лауреатом в истории премии (Рейневелд 29 лет). Роман этот — отчасти автобиографический, хотя факты жизни доведены здесь до безжалостного макабра. Действие происходит на ферме в центральной Голландии, в протестантской общине. Главная героиня, девочка Як, теряет старшего брата (он проваливается под лед). В попытке пережить горе и без того суровая семья дохадит до настоящего остервенения. «Неловкий вечер» переполнен крайне жестокими подробностями физической и душевной жизни, но это не трансгрессивная литература в духе какого-нибудь Селина, а классический роман взросления, только заполненный лягушачьими трупами.

ЭКСМО – INSPIRIA

Муравечество

Чарли Кауфман

ПЕРЕВОД: Сергей Карпов, Алексей Поляринов

Вышедший этим летом и на редкость быстро переведенный дебютный роман знаменитого сценариста Чарли Кауфмана, автора «Быть Джоном Малковичем» и «Адаптации». Герой, кинокритик-неудачник по имени Б. Розенбергер Розенберг, знакомится с безумным режиссером-самоучкой, девяносто лет снимавшим самый длинный фильм в истории. Непризнанный гений умирает у Розенберга на руках, и тот решает явить его творение миру. Пленка случайно портится, и тут герой в свою очередь сходит с ума. Дальше — семисотстраничное безумие, знакомое по кауфмановским фильмам, но приобретающее новый размах: заговоры, мутации, клоны Дональда Трампа, зловещие разумные муравьи. Отчасти «Муравечество» — веселая сатира (с бесконечными пинками коллегам по Голливуду), но отчасти — серьезный экзистенциалистский роман о бредовости бытия.

INDIVIDUUM

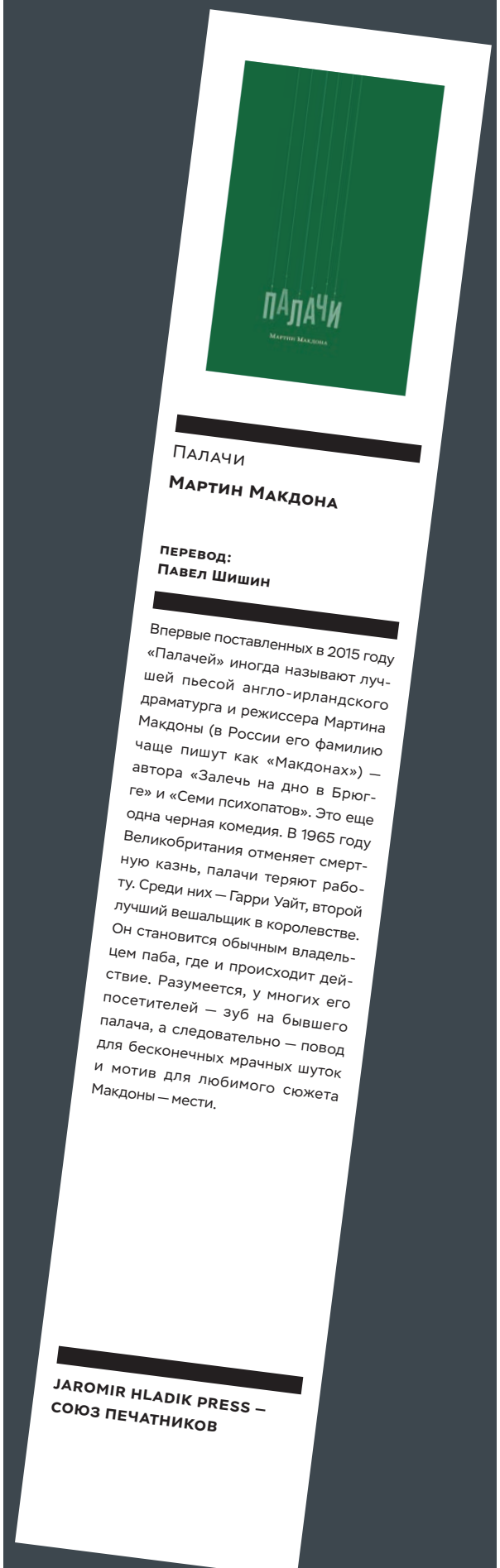
Незначительная деталь

Адания Шибли

ПЕРЕВОД:
Александра Голикова

Третий роман Адании Шибли, живущей между Иерусалимом и Берлином и ставшей одной из самых заметных фигур в новой палестинской литературе. В основе — реальная история: 9 августа 1949 года израильский военный отряд уничтожил арабскую деревню, оставив в живых одну молодую девушку, через четыре дня солдаты изнасиловали ее и расстреляли. Ровно через 25 лет родилась Шибли. Первая половина романа — попытка рассказать историю преступления. Вторая — повествование от лица палестинской женщины, пытающейся расследовать события 49-го года и самой переживающей постоянный страх и стесненность арабской интеллектуалки в Израиле. Важное достоинство романа Шибли — он далек от наивности: литература — слабое оружие против автомата, мертвым невозможно дать речь, но рассказывать о них стоит.

NO KIDDING PRESS

Палачи

Мартин Макдона

ПЕРЕВОД:
Павел Шишин

Впервые поставленных в 2015 году «Палачей» иногда называют лучшей пьесой англо-ирландского драматурга и режиссера Мартина Макдоны (в России его фамилию чаще пишут как «Макдонах») — автора «Залечь на дно в Брюгге» и «Семи психопатов». Это еще одна черная комедия. В 1965 году Великобритания отменяет смертную казнь, палачи теряют работу. Среди них — Гарри Уайт, второй лучший вешальщик в королевстве. Он становится обычным владельцем паба, где и происходит действие. Разумеется, у многих его посетителей — зуб на бывшего палача, а следовательно — повод для бесконечных мрачных шуток и мотив для любимого сюжета Макдоны — мести.

JAROMIR HLADIK PRESS — СОЮЗ ПЕЧАТНИКОВ

Кот Шрёдингера

Роберт Антон Уилсон

ПЕРЕВОД:
Андрей Синельников

Роберт Антон Уилсон — важная фигура американской контркультуры, проповедник радикального агностицизма, политический публицист анархо-либертарианского толка, друг Тимоти Лири и его товарищ по расширению сознания, комментатор Джойса, исследователь теорий заговора, сам игравший в мага и иллюмината. Вышедшая в 1979 году его трилогия «Кот Шрёдингера» существует в двух вариантах — побольше и поменьше. На русский переведена сокращенная версия, и все равно это очень большая книга — величественно-бредовый роман, состоящей из фантазий на тему квантовой физики, едкой сатиры на Америку 1970-х, мистических трюков, сексуальных экспериментов и постмодернистских игрищ со всей мировой культурой.

ВСЕ СВОБОДНЫ

Горячая голова

Вольфганг Бауэр

ПЕРЕВОД:
Сергей Панков

Автор шокировавших публику абсурдно-кровавых пьес, перформер, близкий венскому акционизму, Вольфганг Бауэр был одной из самых революционных фигур австрийского авангарда 1960–1970-х и одновременно постоянным героем таблоидов, скандальной поп-звездой. Это первая его книга, переведенная на русский. Написанная в 1966 году «Горячая голова» — единственный роман Бауэра. Начинается он как вполне обыкновенная переписка между двумя друзьями, настораживают только постоянные разговоры о градусниках. Постепенно температура накаляется, местом действия оказывается мозг страдающего шизофренией человека, а текст превращается в безжалостную пародию на модернистский роман, раскрывающий тайны сознания.

KOLONNA PUBLICATIONS

Грифоны охраняют лиру

Александр Соболев

В 2000-х филолог Александр Соболев был культовой в определенных кругах фигурой, благодаря публиковавшимся им в «Живом журнале» очерках о забытых поэтах модернистской эпохи. Часть этих разысканий вошла в двухтомник «Летейская библиотека», вышедший семь лет назад. С тех пор о Соболеве было почти не слышно. Теперь он написал роман. Сюжет его очевидно перекликается с основной деятельностью автора. Москва 1950-х, главный герой по имени Никодим случайно узнает, что его отец — известный исчезнувший писатель, и пускается на его поиски. Судя по фрагментам, «Грифоны охраняют лиру» — игривый филологический роман, но это не книга для своих. Даже в постах Соболева было видно, что он — прекрасный стилист, мастер разгадывать и загадывать загадки.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИВАНА ЛИМБАХА

Книги

Нет, это я — Эдичка

Эдуард Лукоянов

Поэт и прозаик Эдуард Лукоянов был самым талантливым радикалом в молодой русской литературе 2010-х. Теперь он написал первый роман, не слишком похожий на его раннюю фантасмагорическую прозу. Это почти документальный, по крайней мере, имитирующий документальность текст. Первая часть — больничный дневник, вторая — прогулки в районе «Савеловской». Сны, еда, книги, знакомые, соседи по палате. Лукоянов постулирует: «моя действительность не представляет никакого интереса», наплевав на читательские ожидания, возникающие из-за воинственного названия. В способе перевода жизни в литературу его проза и правда наследует Лимонову. Но если установка Лимонова — превращать себя в героя или антигероя и так бросать вызов миру, Лукоянов выбирает этого не делать. Его вызов — в презрительной пассивности, но от этого интонация дендистского хулиганства только выигрывает.

COMMON PLACE

Освобожденный Иерусалим

Торквато Тассо

ПЕРЕВОД:
Роман Дубровкин

Написанный в конце XVI века «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо — третий столп итальянской поэзии после «Божественной комедии» и «Неистового Роланда», рыцарский эпос о Первом крестовом походе, наполненный духовной апологетикой, воинственной жестокостью и разного рода эротическими приключениями. Наиболее канонический русский перевод Владимира Лихачева вышел в 1910 году и считается не слишком удачным. Работавший над своей версий полтора десятилетия Роман Дубровкин поставил задачу насколько возможно точно передать и формальную стройность оригинала, и его содержательную причудливость. Это первый перевод без цензурных изъятий.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИВАНА ЛИМБАХА

Дракула

Брэм Стокер

ПЕРЕВОД:
Татьяна Красавченко и др.

Черная женщина

Николай Греч

Два новых тома «Литпамятников» — оба готические. Один — первое в России научное издание главного в истории романа ужасов. Здесь — обновленный перевод Татьяны Красавченко, без всяких купюр, так или иначе повторявшихся во всех русских изданиях «Дракулы», и с множеством дополнений, включая корпус вдохновлявших Брэма Стокера средневековых легенд о Владе Цепеше. Вторая книга — «Черная женщина» Николая Греча. Прозаик и публицист Греч привычно числится литератором третьего ряда, никому кроме специалистов по первой половине XIX века не интересным. На деле его мало кто читал. Вышедший в 1834 году его главный роман — готическая фантасмагория, скрещенная с исторической эпопей («Черная женщина» охватывает все примечательные события за полвека, от Пугачева до Наполеона),— был одним из первых настоящих хитов русской беллетристики.

ЛАДОМИР

Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма

Ольга Великанова

Конституция 1936 года — известный парадокс советской истории: самый демократический свод законов своей эпохи, формально ставящий окончательную точку в классовой борьбе и декларирующий построение социализма, был принят накануне разворачивания Большого террора. Часто о сталинской Конституции говорят как об акте откровенного лицемерия. На деле все, конечно же, сложнее. В своей книге историк Ольга Великанова подробно разбирает историю составления Конституции — и, что еще важнее, инициированную самим Сталиным обширную публичную дискуссию о новом законе. Главный интерес Великановой: Конституция как эпизод в отношениях между властью и новым советским обществом, отношениях, в которых общество часто оказывалось большим консерватором.

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Поколение постпамяти. Письмо и визуальная культура после Холокоста

Марианна Хирш

ПЕРЕВОД:
Николай Эппле

Книга американского литературоведа и культуролога Марианны Хирш «Поколение постпамяти» вышла в 2012 году, однако одноименное эссе, из которого она выросла, появилось на 20 лет раньше и повлияло на все поле научных исследований памяти, публицистику и даже художественную литературу. Постпамять — это память о событиях, которые человек помнить не может, но помнит их отчетливее, чем факты собственной жизни. Речь прежде всего о событиях ужасных. Исследования Хирш касались детей, выживших в Холокосте, а сами ее идеи во многом основывались на собственном опыте (Хирш — дочь евреев, бежавших из Черновцов, в каком-то смысле землячка Пауля Целана). Работу постпамяти Хирш изучает в первую очередь на материале текстов: от «Аустерлица» В.Г. Зебальда до комикса «Маус» Арта Шпигельмана.

НОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

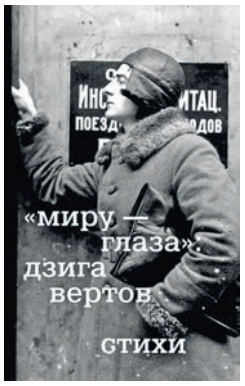

История становления самосознающей души

Андрей Белый

Впечатляющая работа: первая публикация полного сохранившегося текста «Истории становления самосознающей души» Андрея Белого с множеством дополнительных материалов и обширным комментарием (два тома, полторы тысячи страниц). Этот трактат — опус магнум позднего Белого, нечто вроде его версии «Феноменологии духа». Формально это курс истории европейской философии от начала нашей эры до XX века, изложенный с антропософских позиций, по сути — поэтический роман о приключениях духа, одна из версий тотального текста, какие всю жизнь писал Белый. В конце 1920-х — начале 1930-х годов, когда писалась «История становления», советские органы развернули активное преследование антропософов, на время посадив среди прочих и жену Белого Клавдию Бугаеву. Внутри этой грандиозной книги есть и личная драма.

ИМЛИ РАН

«Миру — глаза»

Дзига Вертов

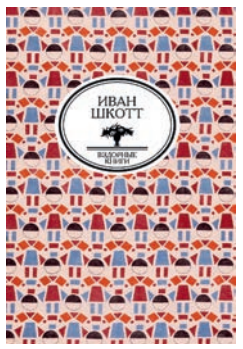
Один из лидеров советского авангарда, великий документалист Дзига Вертов всю жизнь писал стихи. Об этом мало кто знал и среди знакомых, и среди исследователей и поклонников. Первая небольшая публикация состоялась год назад, теперь вышло насколько возможно полное собрание. Большим поэтом Вертов, пожалуй, не был. Это тексты для внутреннего пользования — для себя и близких. Тем не менее они интересны как своего рода лаборатория — отработка монтажных приемов, знакомых по «Человеку с киноаппаратом» и «Шестой части мира», в другом медиуме и на материале собственной жизни.

ПОРЯДОК СЛОВ

Дневник учительницы воскресной школы и другие произведения

Эмилия Кислинская-Вахтерова

Собрание сочинений

Иван Шкотт

Два первых томика нового проекта «Вздорные книги», занимающегося поисками забытых писателей. Оформление остроумно отсылает к выходившей на рубеже 1980-х и 1990-х знаменитой серии «Забытая книга», одному из символов возвращения шедевров модернизма широкому читателю. Но если там издавали Белого, Гумилева и Вагинова, то «Вздорные» берутся за авторов по-настоящему маргинальных. Эмилия Кислинская-Вахтерова — просветитель и публицистка, борец за народное образование. Ее дневник, образец поздней народнической прозы, написан в 1889–1891 годах и никогда не публиковался. Иван Шкотт (Болдырев) — прозаик-эмигрант, младший друг Алексея Ремизова, покончивший с собой в 30 лет, написав несколько рассказов и роман «Мальчики и девочки» о жизни подростков «из бывших» в первые годы советской власти. Издатели называют его эмигрантской «Республикой ШКИД».

COMMON PLACE

История сексуальности. Том IV. Признания плоти

Мишель Фуко

ПЕРЕВОД:
Сергей Гашков

Говорить правду о самом себе. Лекции 1982 года в Университете Торонто

Мишель Фуко

ПЕРЕВОД:
Дмитрий Кралечкин

Сразу две поздних книги классика французской деконструкции. «Признания плоти» были последней вещью, которую Мишель Фуко готовил к печати, но довести работу до конца не успел, и по-французски книга вышла только в 2018 году. Это четвертый том знаменитого проекта «Исследования сексуальности». Его сюжет — плоть и пол в раннехристианскую эпоху: учения отцов церкви, монашеская аскеза, практики покаяния, идея благочестивого брака. Все это становится этапами становления современного европейского субъекта. «Говорить правду о самом себе» во многом перекликается с «Признаниями». Это курс лекций, прочитанных в 1982 году в Торонто. Он также посвящен тому, что Фуко называл «герменевтикой себя»,— способу конструирования человеком собственной личности. Предмет торонтских лекций — соотношение античных и раннехристианских подходов к откровенности, говорению истины.

AD MARGINEM

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДЕЛО»

Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века

Натали Земон Дэвис

ПЕРЕВОД:
Татьяна Доброницкая

Сметая запреты. Очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков

Наталья Пушкарева, Анна Белова, Наталья Мицюк

Новая серия «Гендерные исследования» издательства «Новое литературное обозрение» открывается двумя книгами. Одна — переиздание классической работы «Дамы на обочине» Натали Земон Дэвис — книги о том, как на периферии патриархального мира Европы раннего Нового времени возникали зоны неясности и свободы. Это биографии трех выдающихся женщин XVII века — писательницы Гликель бас Иуды Лейб, урсулинки-теолога Мари Гюйар де л'Энкарнасьон и художницы и биолога Марии Сибиллы Мериан. Вторая книга — совсем новая. Коллективная монография историков Натальи Пушкаревой, Анны Беловой и Натальи Мицюк — панорамное исследование русской сексуальной культуры от допетровских времен до советской эпохи. До сих пор исследования русской сексуальности либо носили эссеистический, если не бульварный характер, либо касались локальных проблем и эпизодов. Так что книга эта для своей области действительно важная.

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Книги

Свято место пусто не бывает. История советского атеизма

Виктория Смолкин

ПЕРЕВОД:
Ольга Леонтьева

Наверное, самая интересная из новейших книг по русской истории, исследование Виктории Смолкин посвящено советскому атеизму от его рождения в революционную эпоху до умирания в конце перестройки. О том, как советское государство боролось с религией, написано довольно много, и гораздо меньше — о том, что оно предлагало взамен. Советский атеизм не был простым отрицанием религии, он был в большой степени ее заменой — идеологическим проектом, отвечавшим на вопросы, которые люди привычно обращают к религии, учением со своей этикой, своей сакральностью, своими ритуалами — и в этом смысле он был вещью уникальной, отличной от обычной западной секулярности. Как пишет Смолкин, атеизм был местом, в котором коммунистическая идеология пыталась разрешить базовые вопросы человеческого существования — то есть вопросы жизни и смерти.

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

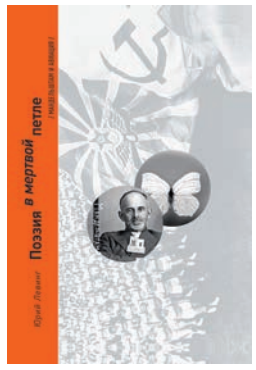

Поэт и царь. Из истории русской культурной мифологии: Мандельштам, Пастернак, Бродский

Глеб Морев

Новую книгу филолога и журналиста Глеба Морева составляют два очерка, объединенные мифом о диалоге поэта и царя, чарующем русской культурное сознание как минимум с пушкинских времен. Первый посвящен аресту Мандельштама и знаменитому телефонному разговору Пастернака и Сталина. Сюжет второго — высылка из СССР Бродского и его попытка изменить ход событий, написав письмо Брежневу. Морев внимательно реконструирует прошлое, привлекая множество новых документов. Но все эти подробности показывают, как работает (или, точнее, не работает) миф. Три героя-поэта пытаются действовать в рамках мифа — сделать власть равным партнером в своем великом сюжете, и все три по-своему терпят поражение.

НОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Поэзия в мертвой петле. Мандельштам и авиация

Юрий Левинг

Еще одна небольшая книга о Мандельштаме. Литературовед Юрий Левинг — специалист по двум темам: Набокову и «поэтике русского урбанизма» — то есть причудливым связям текстов и техники. Здесь он переносит отработанный на Набокове метод распутывания загадок и технический сюжет на Мандельштама. Книга — подробный комментарий к стихотворению 1935 года «Не мучнистой бабочкой белой». Как часто у позднего Мандельштама, это загадочный эсхатологический текст и одновременно отзыв на вполне конкретное событие — похороны погибших летчиков-испытателей в Воронеже. Левинг помещает стихотворение о бабочке в обширный «авиационный текст» русской поэзии. Как всякая книга-комментарий, «Поэзия в мертвой петле» требует вкуса к мелочам. В своем жанре она образцовая.

БОСЛЕН

Это здесь

Михаил Айзенберг

Глазами ящерицы. Дневник чтения одной несуществующей книги

Филипп Дзядко

Большая книга воспоминаний Михаила Айзенберга, одного из лучших действующих русских поэтов старшего поколения. Это не классические мемуары, описывающие жизнь как связную последовательность эпизодов. Скорее серия всполохов памяти: встречи, расставания, здания, сны мешаются, но связывает их общая для всего, что пишет Айзенберг, нота сопротивления отчаянию, стойкого ожидания перемены. Помимо того, книга интересна и как свидетельство жизни московского художественного подполья позднесоветских лет. Одновременно с «Это здесь» выходит небольшая книжка филолога и главреда сайта «Арзамас» Филиппа Дзядко, посвященная айзенберговской поэзии. Это, впрочем, не литературоведческое исследование, а почти интимный дневник чтения, в каком-то смысле разговор со страшим другом через попытку понимания его стихов.

НОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Хаос. Создание новой науки

Джеймс Глик

ПЕРЕВОД:
Михаил Нахмансон, Екатерина Барашкова

Первая книга новой серии издательства Corpus и Политехнического музея. Вышедший в 1987 году и с тех пор десятки раз переиздававшийся бестселлер американского научного журналиста Джеймса Глика — одна из самых влиятельных научно-популярных книг последних десятилетий. Ее предмет — хаос, незадолго до того ставший объектом изучения математиков, физиков и биологов, но уже переворошивший взгляды ученых на мироустройство. Сам Глик не ученый, он историк науки, поэтому о самых сложных вещах вроде множеств Мандельброта и аттракторов Лоренца пишет доступным языком. Его книга ввела хаос в моду, повлияла на популярную культуру от Тома Стоппарда до Дугласа Адамса, а самого автора превратила почти в звезду (Глик даже стал прототипом одного из главных героев «Парка юрского периода»).

CORPUS

Не один дома. Естественная история нашего жилища от бактерий до многоножек, тараканов и пауков

Роб Данн

ПЕРЕВОД:
Максим Винарский

Обаятельная книга американского биолога Роба Данна посвящена ближайшим соседям человека, бесчисленным и по преимуществу невидимым обитателям домов и квартир. Современный человек проводит в помещениях гораздо больше времени, чем на улице. Ему кажется, что его окружают родственники, коллеги, знакомые, а также домашние питомцы. На деле рядом с ним обитают сотни тысяч видов — бактерий, грибков, разнообразных рачков, паучков и мушек. Некоторые из них вредоносны, без других человек бы не выжил. Данн и его коллеги исследуют биосферу домов так же, как биологи обычно берутся за тропики и саванны — обнаруживают в них неведомый дикий мир с разнообразными укромными уголками. К примеру, целая глава книги посвящена жителям душевой насадки.

АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

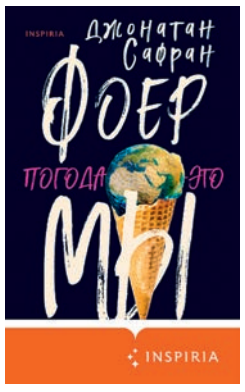
Красноречие сардинки. Невероятные истории подводного мира

Билл Франсуа

ПЕРЕВОД:
Наталья Добробабенко

Еще одна приятная научно-популярная книга — успешный дебют молодого французского биолога Билла Франсуа, посвященный коммуникации рыб и других водных существ. Погружаясь в морскую воду, человек чувствует себя оглушенным, он ничего не слышит, но это только потому, что слушать он не умеет. Море переполнено криками дельфинов, призывными постукиваниями морских гребешков, своеобразными звуками, возникающими, когда сельдь выпускает газы (Франсуа рассказывает анекдот о том, как шведские военные приняли эти звуки за маневры русского флота и едва не развязали войну). Книга — не только путеводитель по языкам подводных жителей, но и лирическая автобиография, признание в любви к рыбам.

CORPUS

Погода — это мы. Спасение планеты начинается с завтрака

Джонатан Сафран Фоер

ПЕРЕВОД:
Мария Нуянзина

Новая книга популярного американского прозаика, автора романа «Жутко громко и запредельно близко», а также публицистического бестселлера «Мясо». Здесь Джонатан Фоер продолжает ту же линию. Это манифест осознанного потребления, написанный со страстью к высокой патетике. История человечества разворачивается как история катастроф и прозрений и подводит к сегодняшнему дню — к новой катастрофе глобального потепления и к прозрениям о том, как ее остановить. Помимо проповеди, тут есть и конкретные рецепты. Намек на них — в остроумном подзаголовке: «Спасение планеты начинается с завтрака».

ЭКСМО — INSPIRIA

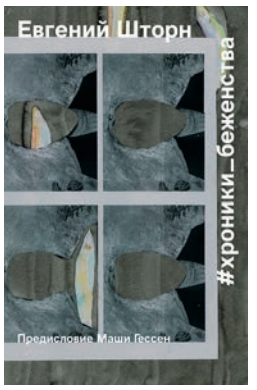
Вдова-шпионка. Как работа в ЦРУ привела меня из джунглей Лаоса в московскую тюрьму

Марта Петерсон

ПЕРЕВОД:
Евгения Фоменко

Мемуары агентки ЦРУ Марты Петерсон не похожи на документальный триллер. Это обстоятельный до мелочей рассказ о шпионских буднях. Петерсон попала в ЦРУ в начале 1970-х и прошла путь от секретарши до настоящей разведчицы, первой американской шпионки, посланной в Советский Союз. Ее арест в 1977 году стал для КГБ важнейшей операцией (в музее ФСБ ей посвящен целый стенд). После высылки из СССР Петерсон не бросила карьеру в спецслужбах, многие годы скрывала подробности своей жизни даже от родных детей, а через 35 лет после освобождения решила рассказать свою историю миру. В ее книге нет особой романтики, есть очевидная гордость за принесенную своему государству пользу, а помимо того — много любопытных подробностей.

CORPUS

#хроники_беженства

Евгений Шторн

В 2018 году социолог и активист Евгений Шторн попал под давление спецслужб и вынужден был эмигрировать. Он оказался в Ирландии, в лагере беженцев, и стал писать оттуда заметки в фейсбук (отсюда — хэштег в названии). Они составляют где-то две трети книги, остальное написано позже — серия постов выросла в настоящий документальный роман. Это действительно отличная проза — очень смешная и страшная. Из жестокой, неприветливой к другим России конца 2010-х Шторн попадает в мир, где другие — все, и все они почти никому не нужны, в царство бюрократического произвола, территорию бесправия и сотни бредовых правил, пространство тотального социального исключения. В сущности, «Хроники беженства» продолжают традицию русской лагерной литературы в диапазоне от Шаламова до Довлатова.

ПОРЯДОК СЛОВ

Книги

Слово пацана. Криминальный Татарстан 1970–2010-х

Роберт Гараев

Автор этой книги, московский диджей и работник Еврейского музея Роберт Гараев, был в конце 1980-х участником казанской подростковой банды под названием «Низы». Спустя много лет он вернулся к той эпохе и написал книгу об истории бандитского Татарстана. В позднесоветские годы Казань была криминальной столицей СССР, именно оттуда волна ОПГ захлестнула страну. С тех пор уличные банды стали историей, а их участники оказались готовы относительно открыто говорить о прошлом. «Слово пацана» — не разговор со старыми знакомыми и не журналистский очерк, а довольно впечатляющее социологическое исследование так называемого «казанского феномена» с сотней респондентов и попыткой панорамного взгляда, охватывающего четыре десятилетия.

INDIVIDUUM

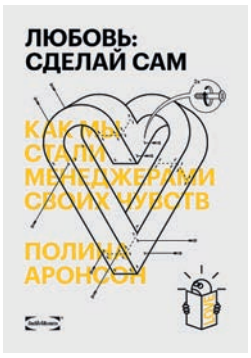

Призраки усталого капитализма

Кирилл Кобрин

Новая книга эссеиста, историка и писателя Кирилла Кобрина, как он сам пишет сам,— дитя карантина: жизнь приостановилась, появилась возможность оглянуться по сторонам, посмотреть, в каком мире мы оказались. Этот мир — капиталистический, но наш капитализм полностью утратил былое великолепие, чарующее или пугающее. В нем не хватает будущего — в том числе и альтернативного, революционного будущего. Эту безбудущность Кобрин с разных сторон исследует. Впрочем, «Призраки» — не трактат, а сборник эссе о самых разных вещах: книгах, перформансах, улицах, песнях. Едва ли не главный талант Кобрина — изящные скачки от пустяковых вещей к глобальным диагнозам. К примеру, один из блестящих текстов здесь посвящен группе Gorillaz.

КАБИНЕТНЫЙ УЧЕНЫЙ

Любовь: сделай сам. Как мы стали менеджерами своих чувств

Полина Аронсон

Сборник эссе социолога Полины Аронсон посвящен современной любви, но это не апология новых свобод и возможностей, а, наоборот, довольно жесткая критика того чувствительного режима, что стал нам привычен. Аронсон называет его эмоциональным капитализмом. Речь о том, что любовь, подобно другим областям человеческой деятельности, превратилась в проект — систему удобных выборов и решений, предмет работы. Она стала «отношениями». Здесь множество сюжетов, из которых самые очевидные — те, что связаны с дейтинговыми приложениями и прочей эротикой эпохи интернета. Более интересные касаются самой этики современных отношений — борьбы с созависимостью, поисками «зоны комфорта» и т. д.

INDIVIDUUM

Королевство

Джон Макнот

ПЕРЕВОД:
Виктор Меламед

Невероятной красоты графическая история исключительно тоскливых каникул. В полупустой пансионат на побережье Британии приезжают подросток Эндрю с мамой и младшей сестрой — приезжают вынужденно, от безденежья, и каждый ищет свое: мама — утешающие воспоминания детства, дочь — ракушки, сын — холмы, где ловится 3G. Почти бессловесный рассказ наполнен звуками: шорох волн, крики чаек, мелодии игровых автоматов и звяканье кассы придорожной забегаловки иногда способны рассказать гораздо больше, чем слова.

БУМКНИГА

Волшебный автомобиль Чих-Чих-Бум-Бум

Ян Флеминг

ПЕРЕВОД:
Елена Фельдман

Ян Флеминг написал эту сказку для своего сына Каспара в 1964 году, и эта детская повесть стала одной из его последних книг — Флеминг умер 12 августа, в утро двенадцатого дня рождения сына. Сказка была опубликована посмертно, а по-русски выходит впервые. Чудесная история о любви к большим машинам была вдохновлена реальным автомобилем — собранной в 1920 году из рамы «Мерседеса» и авиационного мотора «Майбах» и других деталей машиной графа Зборовского. Неудивительно, что в книге Флеминга это странное создание начинает жить своей жизнью.

CLEVER

Средиморье

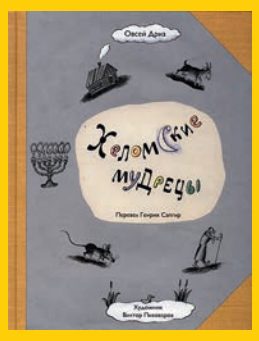
Марино Амодино

ПЕРЕВОД:
Михаил Визель

ИЛЛЮСТРАЦИИ:
Винченцо Дель Веккьо

Что если бы Средиземное море было островом? На что была бы похожа его жизнь? На что были бы похожи знакомые нам города? Вот гигантское лицо Гибралтара, вот, как огромная ладонь, поднимается Каир, вот берега Стамбула танцуют, словно девы, разодетые в минареты. В этой книге двоих итальянских архитекторов воображаемое Средиморье помогает увидеть реальную красоту в прошлом и настоящем Средиземноморья.

ГОРОДЕЦ

Хеломские мудрецы

Овсей Дриз

ПЕРЕВОД:
Генрих Сапгир

ИЛЛЮСТРАЦИИ:
Виктор Пивоваров

В местечке Хеломе, где живут одни умники, семь старейших и умнейших из них вечно хотят договориться до добра, а получается только хуже. Стихи Овсея Дриза, советского поэта, писавшего на идише, были хорошо известны читателю 60-х, хотя с тех пор могли и позабыться. А вот иллюстрации Виктора Пивоварова издаются впервые усилиями проекта «Пижамная библиотека», и именно они превращают книгу в мгновенный библиографический раритет.

КНИЖНИКИ

Обо всем
на свете — в цвете

Том Шамп

ПЕРЕВОД:
Юлия Танакова

На первый взгляд — просто разложенные по цветам мелкие картинки, но, если начать разглядывать, можно обнаружить массу интересного: отсылки к песням и названиям рок-групп, выборы нового папы римского, героев комиксов и истории футбольных команд, так что не просто книжка-картинка, а полноценная энциклопедия.

САМОКАТ

Евгений Онегин.
Графический
путеводитель

Алексей Олейников,
Наталия Яскина

Художница Наталия Яскина переосмыслила роман Пушкина в графике, а поэт и учитель литературы Алексей Олейников написал комментарий, позволяющий немного приблизиться к его малопонятному уже сегодня миру: представить, что там за панталоны-фрак-жилет, что за страсбургский пирог и вино кометы на столе, как ходили в театры, как гуляли, на что жили, как флиртовали, чему учились и за что стрелялись. Далекий от энциклопедичности, путеводитель скорее позволяет юному читателю заинтересоваться онегинским миром и русской жизнью 1820-х годов.

САМОКАТ

Книги

Соня-9

Алексей Олейников, Тимофей Яржомбек

Продолжение графического подросткового рэп-хита «Соня из 7 „Буээ“». Соня уже в 9-м классе, время на уроках физики тянется как слайм, а три буквы — ОГЭ — превращаются в настоящую проблему: кто не сдаст, вылетит в беспросвет. Школьные уроки запускают фантазию, но самого главного в школе не расскажут: об отношениях с предками, о том, почему мир устроен настолько несправедливо, и как найти свое место на земле. Возможно, единственная подростковая книга, где так очевиден разрыв между тем, что преподают старшим школьникам, и миром их настоящих переживаний.

БЕЛАЯ ВОРОНА

Куда скачет температура

Федор Катасонов

иллюстрации: Анна Журко

Полезная книга известного педиатра Федора Катасонова о температуре: что такое нормальная температура тела и почему она именно такая, какое отношение к этому имеет эволюция, можно ли управлять собственной температурой и может ли северный олень выжить в Африке (спойлер: может, если отгонять от него верблюдов)? Забавный факт: за 150 лет наблюдений средняя температура человека снизилась с 37° до 36,4°. Почему? Много вопросов.

РОЗОВЫЙ ЖИРАФ

День дождения

Михаил Яснов

Большая книга зверей

Михаил Яснов

иллюстрации: Карина Кино

Внезапная смерть поэта Михаила Яснова стала, несомненно, главным трагическим событием осени в детской литературе. Сборник «День дождения» совсем не планировался как посмертный, но сейчас стихи об ослике, на котором мечтаешь уехать в дальние края, о старом коте, уставшем ловить мышей, и о птице, которую похоронили под холмиком в надежде, что она проклюнется весной, читаются как прощание. Что до классического Яснова, то в издательстве «Поляндрия» должны выйти его самые известные стихи вроде «Здравствуйте, хвостаствуйте!» и «Чучело-мяучело» в чудесных пастельных иллюстрациях Карины Кино.

САМОКАТ

ПОЛЯНДРИЯ

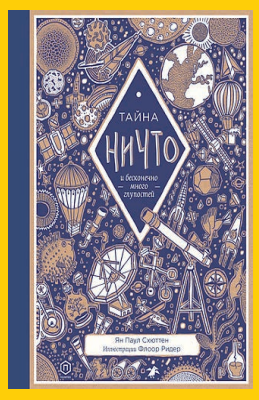

Русские народные загадки в картинках

Зина Сурова

Книжку загадок из собрания Дмитрия Николаевича Садовникова нарисовала замечательная художница Зина Сурова, нечастые работы которой неизменно завораживают абсолютной художественной свободой. Загадки не исключение: вроде бы простая тоненькая книжка, где отгадку можно проверить, отогнув и заглянув за клапан на странице, но как ловко художнице удается в одной картинке совместить загадку и отгадку и рассыпать на каждом рисунке подсказки.

АРХИПЕЛАГ

Тайна ничто и бесконечно много глупостей

Ян Паул Схюттен

ПЕРЕВОД:
Нина Федорова
ИЛЛЮСТРАЦИИ:
Флоор Ридер

Третья выходящая на русском языке совместная книга Флоор Ридер и Яна Паула Схюттена, до этого были книги про эволюцию («Загадка жизни и грязные носки Йоса Гротьеса из Дрила») и анатомию («Чудо — ты и триллионы твоих жильцов»). Теперь с той же четкостью и яркостью Схюттен и Ридер рассказывают в 523 фактах об устройстве Вселенной. Например, что путешествия во времени мы на самом деле совершаем каждый день — когда смотрим на звезды, светившие миллионы лет назад. Или что наблюдаемых звезд больше, чем всех песчинок на Земле, но в одной песчинке при этом больше молекул, чем всех наблюдаемых в мире звезд. Или что наша Вселенная похожа на черничный пирог в духовке (рецепт прилагается): пока он поднимается, расстояние между ягодами растет, так и пространство нашей Вселенной растет быстрее скорости света.

БЕЛАЯ ВОРОНА

Мы живем в Древней Греции

Андрей Дубровский

В этой серии о том, как была устроена жизнь в прошлом, уже выходили «Мы живем в Древнем Новгороде», «Мы живем в Древнем Риме» и другие книги, но именно в случае с Древней Грецией название оказывается как никогда точным: мы действительно в определенном смысле до сих пор живем в Древней Греции, унаследовав и ее политическое устройство, и ее философию, и ее спортивные состязания, и театральные представления. Эта энциклопедия позволяет увидеть древнегреческий мир как нечто цельное и в то же время разглядеть в нем ростки современной жизни.

ПЕШКОМ В ИСТОРИЮ

Летчики-герои. Спасение челюскинцев

Владислав Серов

Графический проект художника Владислава Серова — третья книга в серии «Исторический комикс», посвященной русским первопроходцам (до этого были «Витус Беринг. Великая Северная экспедиция» и «Виват, Полтава!»). История большого ледового путешествия по Северному морскому пути и первых в истории поисковых полетов в арктических условиях достаточно драматична сама по себе, но тут она дополнена личными историями участников экспедиции, любовной драмой и драмой научной. Это история о жертвах, которые приходится приносить ради научных открытий, и о том, как герои спасали героев.

МЕЛИК-ПАШАЕВ

Давай поедем в Уналашку

Анна Красильщик

ИЛЛЮСТРАЦИИ:
Кася Денисевич

Предыдущая повесть Анны Красильщик «Три четверти», по которой уже поставили спектакль, рассказывала о взрослении девочки в 90-е, «Давай поедем в Уналашку» описывает жизнь современного ребенка — ту реальность, где вернуться в детство можно, просто отмотав до своего рождения мамину ленту в инстаграме. Главный герой Марк, он же Морковкин, живет обычной жизнью третьеклассника: мама пропадает на работе, папа живет отдельно со своей новой Девицей с пирсингом, а в школе скучно. Но однажды в мамином доме заводится новый мужчина, Марк случайно попадает в фотокружок и увлечение фотографией приводит его к поискам дедушки, которого он никогда не знал. Сюжет увлекательный, но едва ли не увлекательнее здесь возможность проникнуть во внутренний мир современного ребенка и увидеть себя его глазами.

БЕЛАЯ ВОРОНА

Тайна Лидии

Финн Сеттерхольм

ПЕРЕВОД:
Лидия Стародубцева
ИЛЛЮСТРАЦИИ:
Маша Судовых

Обаятельная история двенадцатилетней художницы Лидии, отправившейся в путешествие в мир великих художников благодаря своей уникальной способности: прикоснувшись к картине Рембрандта, она переносится в Голландию XVII века, где встречает художника и узнает о его жизни и живописи. Затем тот же фокус проделывается с да Винчи, Веласкесом, Дега, Тёрнером, Дали. И хотя само путешествие фантастическое, каждая остановка его предельно реальна, как и возможность найти себя не среди сверстников, а среди единомышленников в истории живописи.

КОМПАСГИД

Что будет с пригородом

Григорий Ревзин о городе будущего

СОВРЕМЕННОЕ ЖИЛЬЕ ПЛЮС ПРИРОДА ПЛЮС ГОРОД В СЕТИ – ВОТ ОН, ГОРОД БУДУЩЕГО. ТОЛЬКО ЭТО СКОРЕЕ НЕ ГОРОД, А СУБУРБИЯ

Льюис Мамфорд завершил свою великую книгу «Город в истории» утверждением, что в будущем нас ждет «невидимый город». Город — это прежде всего горожане, даже точнее — форма связи между людьми, а связь не обязательно должна иметь физическое тело. Это было сказано в 1961 году, щедрое на предсказания исчезновений время. Хотя Мамфорд американец, но европеизированный настолько, что его иногда относят к Франкфуртской школе. Чуть позже, в 1967-м, Ролан Барт заявил о «смерти автора», а Мишель Фуко в 1966-м закончил «Слова и вещи» знаменитым «человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке». Но предсказание Мамфорда было чуть раньше, так что можно считать, что сначала исчезает город, а уж потом уж автор и человек.

Это было сильное предсказание, потому что в тот момент не было понятно, что же это такое, устойчивая связь между людьми, даже массами людей, которая не имеет физической формы. В 2008 году Джон Герачи (один из активных строителей городских сетевых сообществ, основатель веб-сайта DIYcity.org) писал: «Сегодня наши города представляют собой реликты предшествовавшей интернету эпохи. Прямо сейчас нам нужен город нового типа — город, подобный интернету в своей открытости, участии, распределенном характере и быстрой органической эволюции,— такой город, который не управляется из единого центра, а создается, управляется и совершенствуется всеми». Через полвека невидимый город Мамфорда построен, осязаем, и мы в нем живем. Можно задаваться вопросом о том, как будут вести себя реликты эпохи, предшествующей интернету.

Вопрос утратил спекулятивный характер, когда выяснилось, что человек человеку вирус. Понятно, что эпидемия — дело временное, но, с другой стороны, урбанистику оно ставит в тупик, поскольку город как предмет ее занятий исчез. В сеть уходят работа, общественное питание, торговля, образование, фитнес, культура, досуг и дружеское общение. А город — это и есть работа, образование, досуг, далее по списку; если все это закрыть, то жизнь теряет городское качество.

При этом не COVID создал сетевой город, и стоит признать, что, если бы к эпидемии сетевого города не было, нам бы не удалось сохранить нынешний уровень цивилизации. Очевидно, что все городские функции продолжат свою эмиграцию в сеть и тогда, когда она закончится. Зачем тогда город?

Среди урбанистов распространена точка зрения, что реальный город обладает конкурентным преимуществом в смысле концентрации человеческой активности, талантливости и конкуренции. Мне, однако, кажется, что это тезис, рожденный организацией труда в индустриальную эпоху, когда главными способами обработки человеческого материала (так же, как и других) были эмиссия и фильтрация — берем всех, отсеиваем большинство. Тут важно только количество собранных вместе, идея не учитывает качества связей между людьми, но в экономике обмена это важное обстоятельство. Реальное общение с близкими людьми интенсивнее сетевого, однако из социологии мы знаем, что оно количественно ограничено — для большинства это круг не более семи человек. Остальное — контакты неглубокие. Они, как показал когда-то Марк Грановеттер, являются наиболее продуктивными для общества модерна. Однако он открыл «силу слабых связей» в 1973 году, до интернета, и нет оснований полагать, что в сети они менее эффективны, чем в реальности. Если же в слабых связях сеть может конкурировать с реальностью, тогда непонятно, зачем группе из семи талантов нужен мегаполис на семь миллионов людей вокруг. Между собой единомышленники взаимодействуют в реальности, с остальными по сети. На этом, кстати, основана концепция «нового номадизма», малых креативных групп, которые мигрируют по планете от проекта к проекту, не привязываясь к конкретному городу.

Что касается города как площадки для конкуренции, позволяющей быстро развиваться, то очевидно, что тут он выигрывает у сети просто потому, что она себя еще не проявила. Современному интернету десять лет, на него работает глобальная экономика с глобальной конкуренцией тех же самых торговли, образования, медицины, культуры — легко предсказать, что и это преимущество у городов он отберет.

Единственное, что не лезет в сеть,— природа, важная вещь для экологически озабоченного человечества. Кстати, поэтому в карантин поменялись отношения центра и периферии. Центр утратил свои преимущества, поскольку там концентрируется городская активность, а ее закрыли. Спальные районы с их концепцией гиперпарка, напротив, преимущества обрели. Здесь не стоит спрашивать, сохранится ли это, когда эпидемия закончится. Разумеется, нет — в том смысле, что функций в центре все равно останется больше; разумеется, да — в том смысле, что они будут конкурировать с сетевым городом, который их существенно ослабит. Вопрос в другом — спальный район дает всем нам попробовать на себе новую формулу жизни.

Решая проблему массового жилья, СССР (а вслед за ним Китай и находящаяся в его зоне Азия) выбрал путь многоквартирного индустриального домостроения. Десятилетием раньше Америка, решая ту же проблему, пошла по пути частного дома в субурбии. Мы не вполне отдаем себе отчет в масштабе явления, сопоставляя американские субурбии то с нашей ИЖС (индивидуальной жилой застройкой), то с дачным строительством («одноэтажная Америка»), но это совсем другое. «С 1940 по 1947 год в новые дома перебрались 60 миллионов американцев — почти половина населения страны» (Скотт Маккуайр), так что по масштабу это то же, что хрущевская реформа, и даже несколько больше.

Это определило принципиально иное понимание города в современной американской урбанистике. «Новый город — это не город, не деревня и не пригород. Он не подпадает ни под какие традиционные термины архитекторов и историков» (Роберт Фишман). «Мы движемся к континууму города-деревни» (Франко Ферраротти). Я бы сказал, что мы — в смысле, Россия — нет, не движемся, и попытки перенести такое понимание города на нашу почву

не представляются мне убедительными. Не движемся из-за отсутствия дорог. Субурбанизация Америки — прямое следствие хайвеев Рузвельта—Эйзенхауэра, которых у нас не случилось. Это не значит, что не случится никогда, но пока перспективы не хороши.

В субурбии есть достоинства. Спальные районы индустриальных типовых домов однообразны, и субурбии непосредственно после их строительства ничуть не лучше. Но через полвека в спальных районах однообразие приобретает черты угнетающе-депрессивные, эта архитектура плохо стареет. А субурбии чаще расцветают (хотя, разумеется, бывает и иначе). Там собственники, они дома перестраивают и расширяют в соответствии со своим вкусом или отсутствием такового, и в результате на однообразие жаловаться не приходится, скорее наоборот.

Когда типовые многоквартирные дома приходят в негодность, жильцам предоставляется новая площадь взамен аварийной. Это закон и социальное достижение, которое порождает мощные циклы реновации, когда государство раз в 50 лет вынуждено переселять половину населения страны. Но когда частный дом приходит в негодность, то у государства нет обязательств строить собственнику новый — и, я думаю, в среднесрочной перспективе не появится. Правительству следовало бы принять это обстоятельство в расчет: это массовое жилье не надо постоянно строить заново, оно обновляется само.

Надо осознавать, что нынешнее развитие в России идет в противоположную сторону и изменить траекторию при сегодняшнем состоянии российского стройкомплекса трудно. Судьба замысла Новой Москвы Дмитрия Медведева (замечательного, на мой взгляд), задуманной именно как классическая американская субурбия и отторгнутой строителями, девелоперами, бюрократией, градостроителями и урбанистами,— живое тому доказательство. Мы оказались не готовы к такой модернизации. Но интересны не только наши грустные обстоятельства, определяемые, по сути, старым индустриальным лобби.

Так или иначе это реальная, опробованная на гигантском материале альтернатива городу. «Загородный дом, наследие прошлых поколений,— пишет Жак Аттали,— станет основным местом жительства и единственным постоянным местом для горожан».

Еще раз — город уходит в сеть, остается лишь потребность в современном жилье и природе. Значит ли это, что будущее не за городами?

У меня нет ответа на этот вопрос, но есть некоторый кульбит. Начиная с 1980-х именно субурбия в Америке стала основой для концепции «нового урбанизма». У нас это движение (города Михаила Филиппова, Максима Атаянца, Михаила Белова) ассоциируется прежде всего с возрождением городских ценностей — улицы, кварталы, площади, общественные пространства, вся программа современного благоустройства впервые была заявлена именно там. Но в Америке его даже иногда иронически называют «новый субурбанизм». Несущие элементы не просто города, а традиционного исторического города инкорпорировались в загородную среду из индивидуальных частных домов.

Процитирую одного из самых известных американских критиков и историков архитектуры Витольда Рыбчински. «Начало было положено строительством Сисайда — не „пригорода-сада“, а маленькой курортной деревушки на северо-западном побережье Флориды. Резонанс от проекта намного превзошел его размеры. Застройщики, которых обычно мало волнуют архитектурные проблемы, обратили внимание на его коммерческий успех. Главные уроки „нового урбанизма“ заключались в том, что люди высоко ценят удачную планировку и дизайн и готовы мириться с достаточно плотной застройкой, если она порождает у жителей ощущение общности. В результате возникли поселения нового поколения — Кентлендс в Мэриленде, Стэплтон в Колорадо, Айона в Южной Каролине, Болдуин-парк и Селебрейшн во Флориде. По размерам они превосходят своих предшественников: Селебрейшн рассчитан на 20 тысяч жителей, Стэплтон — на 30 тысяч. Однако основные принципы остаются неизменными: компактность и разнообразие дизайна, разнотипность домов, шаговая доступность всех объектов и порождаемое этой компактностью чувство добрососедства».

Эти поселки делаются в исторических стилях, точнее, как это называл Леон Крие (их яркий идеолог 1980-х), в стиле вернакуляр. Однако мне важны сейчас не стилевые особенности, но общая ситуация. Люди мигрируют из города в субурбию. Но что они делают там? Возрождают город, причем в его правильном, не испорченном XX веком виде. Почему? Потому что есть тезис Мамфорда: видимый город исчезает, но остается в головах горожан. Люди, заселяющие субурбию,— они не деревенские жители, они горожане и несут образ города с собой в голове. И начинают его воспроизводить. У этого возрождения нет экономических, транспортных, функциональных оснований — только образ мысли.

Здесь есть интересный поворот. Известный урбанист Франко Ферраротти, автор идеи «континуума города-деревни», которого я цитировал выше, говорит не только об американском городе. В старой Европе субурбий в американском смысле немного. Их функцию выполняют старые городки, borghi, которые на русский переводятся как «деревни», но это очень мало похоже на русскую деревню. Там кварталы, улицы, площадь, церковь, начальная школа, врач, bar centrale — и все это выглядит куда убедительнее, чем попытки изобразить то же самое у Леона Крие. Именно они начинают играть роль субурбий.

Наши малые города сегодня в ужасном состоянии, и выглядит это не только удручающе, но и странно. Когда оказываешься в городе Кимры, впечатление, что война кончилась примерно позавчера, половина города в руинах, в Бейруте и то лучше. Но если проплывать мимо него по Волге, то по берегам видишь богатые особняки, и их там не десятки — пара сотен. И думаешь: а почему эти люди не построили свои дома в Кимрах? Та же река, та же зелень, но плюс еще школа, больница, магазины, кафе, добавьте к этому генералов, прокуроров, действительных государственных советников разного класса с семействами — город бы невероятно расцвел. Для этого есть много объяснений юридического и социально-политического свойства, но они более или менее преодолимы. И в этом случае можно было бы думать о фантастическом российском городе будущего. Это была бы новая русская субурбия. Старинные русские города, заселенные богатыми людьми, решающими оперативные задачи по сети и несущими державно-урбанистический образ города, да что там — Кремля, в головах. Кстати, некоторые указывают, что так развивается город Плёс в Ивановской области.

Портрет писателя с котиком

Домашние животные, помогавшие писателям писать

Чехов держал дома мангуста Сволочь и такс Брома Исаевича и Хину Марковну, у Маяковского были дворняга Щен и бульдог Булька, у Бродского жили коты Биг Ред и Миссисипи, Воннегут обожал свою собаку Тыковку, Хемингуэй держал около 20 котов, а Стивен Кинг ласково зовет свою корги Исчадие Ада. 30 ноября отмечается Всемирный день домашнего питомца — к празднику вспомнили животных, которые не только украшали писателям жизнь, но и помогали работать

У АГАТЫ КРИСТИ БЫЛ ФОКСТЕРЬЕР ПИТЕР. КРИСТИ УТВЕРЖДАЛА, ЧТО ТОЛЬКО БЛАГОДАРЯ ЕГО ПОДДЕРЖКЕ ОНА ПЕРЕЖИЛА РАЗВОД С ПЕРВЫМ МУЖЕМ. В 1937 ГОДУ ОНА ПОСВЯТИЛА ПИТЕРУ РОМАН «БЕЗМОЛВНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ», В КОТОРОМ ПУАРО ДОКАЗЫВАЕТ НЕВИНОВНОСТЬ ФОКСТЕРЬЕРА БОБА В СМЕРТИ ЕГО ХОЗЯЙКИ.

У Джорджа Гордона Байрона был ньюфаундленд Боцман. Он прожил с поэтом пять лет, пока не заразился бешенством. Несмотря на это, Байрон продолжил ухаживать за Боцманом, а когда тот умер, потратил последние деньги на роскошный памятник ему и написал одно из самых известных своих стихотворений «Эпитафия собаке».

Эрнест Хемингуэй с одной из своих кошек, 1954

«Эдгар Аллан По работает под наблюдением Катарины». Иллюстрация из энциклопедии Кассала, 1910-е

У Джона Стейнбека был пудель Чарли. Стейнбек утверждал, что Чарли всегда предпочитал дракам переговоры и попал впросак лишь однажды, когда наткнулся на пса, который от переговоров отказался,— так Чарли потерял кусок правого уха. В 1960 году Стейнбек отправился в путешествие по США на машине с домом-прицепом и взял с собой Чарли — поездку он описал в книге «Путешествие с Чарли в поисках Америки».

У МАРКА ТВЕНА ВСЕГДА ЖИЛИ КОТЫ, НО САМЫМ ЛЮБИМЫМ БЫЛ ЧЕРНЫЙ КОТ БАМБИНО, КОТОРОГО ЕМУ ОТДАЛА ДОЧЬ. МАРК ТВЕН ОБЫЧНО РАБОТАЛ В КРОВАТИ, И БАМБИНО ВСЕГДА СИДЕЛ РЯДОМ. ОН ШИПЕЛ НА ВСЕХ, КТО ПЫТАЛСЯ К НИМ ПОДОЙТИ, И УМЕЛ ГАСИТЬ МАЛЕНЬКУЮ ЛАМПУ, ОТ КОТОРОЙ ПРИКУРИВАЛ ПИСАТЕЛЬ.

У Александра Куприна было много собак, но самой любимой был огромный меделян Сапсан. В 1916 году Куприн написал рассказ от его лица «Мысли Сапсана XXVI о людях, животных, предметах и событиях», в котором описывал, как Сапсан спас его маленькую дочь Ксению от бешеной собаки. Сама Ксения, впрочем, утверждала впоследствии, что ничего подобного не было, а Сапсан, напротив, ее не любил и постоянно на нее рычал.

Гертруда Стайн очень любила животных: у нее жил кот Гитлер, пес Польпе, любивший нюхать цветы, и два чихуа-хуа — Байрон (названный так из-за сексуального интереса к родственникам) и Пепе. Но самым любимым питомцем Стайн был большой пудель Баскет II. Стайн говорила, что, прислушавшись к ритму, с которым он пил воду из миски, она поняла разницу между предложениями и абзацами — абзацы эмоциональны, а предложения нет.

ВО ВРЕМЯ РАБОТЫ ОЛДОС ХАКСЛИ САЖАЛ СЕБЕ НА ПЛЕЧО СИАМСКУЮ КОШКУ ЛИМБО, ЧТОБЫ ОНА НАБЛЮДАЛА. ХАКСЛИ УТВЕРЖДАЛ, ЧТО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ СТАТЬ ПИСАТЕЛЕМ-ПСИХОЛОГОМ И ПИСАТЬ О ЛЮДЯХ, НУЖНО ОБЯЗАТЕЛЬНО ЗАВЕСТИ ПАРУ КОШЕК.

Генрик Ибсен, оказавшись в добровольной ссылке в Италии, завел себе скорпиона. Скорпион жил в банке на письменном столе. Когда Ибсена спросили, зачем ему скорпион, он ответил, что пишет пьесу «Бранд» и хочет напоить ее ядом.

У Михаила Булгакова была кошка Мука. На самом деле она принадлежала его жене, а сам Булгаков поначалу относился к Муке с брезгливостью и не дотрагивался до нее, но постепенно привык и даже делал ей массаж, когда она была беременна. До знакомства с Мукой Булгаков не вводил в свои произведения домашних животных, но благодаря кошке в них появились кот Бегемот и пес Шарик.

Александр Куприн и Сапсан, 1918

Агата Кристи и Питер, 1920-е

У Мишеля де Монтеня была кошка, имя которой неизвестно. Она фигурирует в его главном труде «Опыты»: Монтень утверждал, что именно кошка навела его на размышления о самомнении и синдроме бога в человеке: «Когда я играю со своей кошкой, кто знает, не забавляется ли скорее она мною, нежели я ею».

У Эдгара Аллана По была кошка Катарина. Она приходила и садилась ему на плечо, когда По писал, и он утверждал, что своим мурлыканьем она одобряет написанное им. В 1843 году Катарина вдохновила По на написание знаменитого хоррор-рассказа «Черный кот».

Рей Брэдбери очень любил кошек — в течение жизни у него было их более двадцати. Самой любимой была кошка Нутти: она приходила на стол, когда Брэдбери писал, и служила своего рода прессом для страниц рукописи.

Чарльз Диккенс держал ручного говорящего ворона Грипа. Грип любил сдирать краску с мебели и пил из банок белила, от чего и умер. Диккенс увековечил своего питомца в романе «Барнеби Радж», сделав его спутником главного героя, понимающим «неизмеримо больше, чем сам Барнеби».

У ВИРДЖИНИИ ВУЛФ БЫЛ ЗОЛОТИСТЫЙ КОКЕР-СПАНИЕЛЬ ПИНКА. СВЯЗЬ МЕЖДУ ПИСАТЕЛЬНИЦЕЙ И ПИНКОЙ БЫЛА ТАКАЯ СИЛЬНАЯ, ЧТО ВДОХНОВИЛА ВУЛФ НА НАПИСАНИЕ БИОГРАФИИ КОКЕР-СПАНИЕЛЯ АНГЛИЙСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ ЭЛИЗАБЕТ БРАУНИНГ — «ФЛАШ». КНИГУ ВУЛФ ПОСВЯТИЛА ПИНКЕ.

Уильям Берроуз обожал кошек, у него в доме всегда жило несколько. Берроуз считал, что только к этим существам он может испытывать настоящую чистую любовь. В 1986 году он опубликовал единственную свою непровокационную книгу — сентиментальную автобиографию «Кот внутри», в которой вспоминал своих котов, а заодно и свою жизнь.

Высокохудожественное надувательство

Анна Толстова о выставке Ли Бул и искусстве перенастройки смыслов

В петербургском Манеже открылась редкая по нынешним карантинным временам выставка-блокбастер — «Утопия спасенная» знаменитой южнокорейской художницы Ли Бул, которая готовилась к отмененному IX Международному культурному форуму. В связи с Петербургским форумом корейская суперзвезда современного искусства неожиданно предстала большой любительницей русского авангарда

Ли Бул — мастерица работать с пространством, какое она умножает, раздвигает и преобразует с помощью своих любимых материалов: воздуха и зеркал. Сразу при входе, задрав голову, вы увидите объект, в котором сошлись воздушность и зеркальность: под потолком огромной сигарой завис, криво отражая окружающую среду, серебристый дирижабль. Оглядевшись по сторонам, вы заметите большущий холст с таким же серебристым аэростатом, возносящимся в светлое будущее над страной фабрик, заводов и электростанций. «Дирижабль» Василия Купцова из Центрального музея Вооруженных сил РФ — одна из трех сохранившихся до наших дней «авиационных» картин любимого филоновского ученика, покончившего с собой в 1935 году, не дожидаясь ареста. Самый фанатичный из апостолов Филонова, Купцов, несмотря на все филоновские штучки, мозаичность-витражность и земля-дыбом-перспективу, в самолетно-дирижабельной серии предстает настоящим итальянским «аэроживописцем» — из времен счастливого единения футуризма с фашизмом. Так что эта рифма к искусству Ли Бул, которой организаторы манежной выставки старательно приписывают любовь к русскому авангарду, случайно оказалась очень удачной: и в том смысле, что утопии корейской художницы наднациональны, и в том, что в ее поэтике утопические порывы и исторические трагедии диалектически связаны.

Колоссальные воздушные шары и надувные фигуры, гирлянды мигающих лампочек, головокружительные зеркальные лабиринты — Ли Бул, начиная с первых перформативных костюмов-объектов конца 1980-х, обращается к балаганно-ярмарочной эстетике. Сконструированная из стекол, зеркал и светодиодных ламп «Перегородка „Бесконечность“» (2008) выглядит анфас как жутковатый провал в какие-то неизмеримые глубины и дали, в профиль же представляет собой прозаический плоский ящик — черная магия и ее разоблачение. Но при всем своем иллюзионистическом мастерстве, фокусница Ли Бул, идеально вписав свои работы в интерьер Манежа (из-за пандемии вся корейская команда выставки трудилась на удаленке), все же не смогла расширить его пространство до бесконечности. В самом большом выставочном зале Петербурга — с грехом пополам, в несколько редуцированном виде — поместились лишь две инсталляции последних лет: «Город Солнца II» (проект начат в 2013 году) и «Желание быть уязвимым» (проект начат в 2015-м). К обеим инсталляциям прилагаются сопутствующие эскизы, макеты и серии рисунков, макетом представлена и первая из «утопических» инсталляций «Мое великое повествование» (2005). В ней, обыгрывая слова Лиотара о конце больших нарративов, Ли Бул рисует постапокалиптическую картину краха авангардного утопизма, и посреди свалки руинированных эмблем разнообразных архитектурно-социальных утопий на макете можно найти крохотную, размером с наперсток, татлинскую «Башню III Интернационала». Наперсточным Татлиным, тремя проходными макетами из серии «Русский конструктивизм» (2005–2016) и загадочной моделью инсталляции «Бункер „М. Бахтин“» (2007–2016) реверансы русскому авангарду у Ли Бул и ограничиваются.

Нижний зал Манежа занят хрупкой, исполненной меланхолии инсталляцией «Город Солнца II»: путь между континентами и архипелагами черных зеркал, чуть приподнятых над полом, ведет к световому оазису из мигающих лампочек, возле которого все невольно замирают, но эмоциональная драматургия спектакля дает сбой, и, не дав катарсису ни малейшего шанса, публика начинает выбирать ракурсы для селфи. Никаких аллюзий на русский космизм, архитектуру конструктивизма или хотя бы «Котлован» Платонова тут не найти — это мрачное, меланхолическое зазеркалье имени Кампанеллы связано скорее с фуколтианским рассуждением о зеркале как идеальном образе утопии: месте без места, позволяющем глазу увидать себя в несуществующем пространстве. Дух Фуко, очевидно, давно вдохновляет Ли Бул, поклонницу французского постструктурализма, и логично, что он появляется при разговоре о Кампанелле, проектировщике

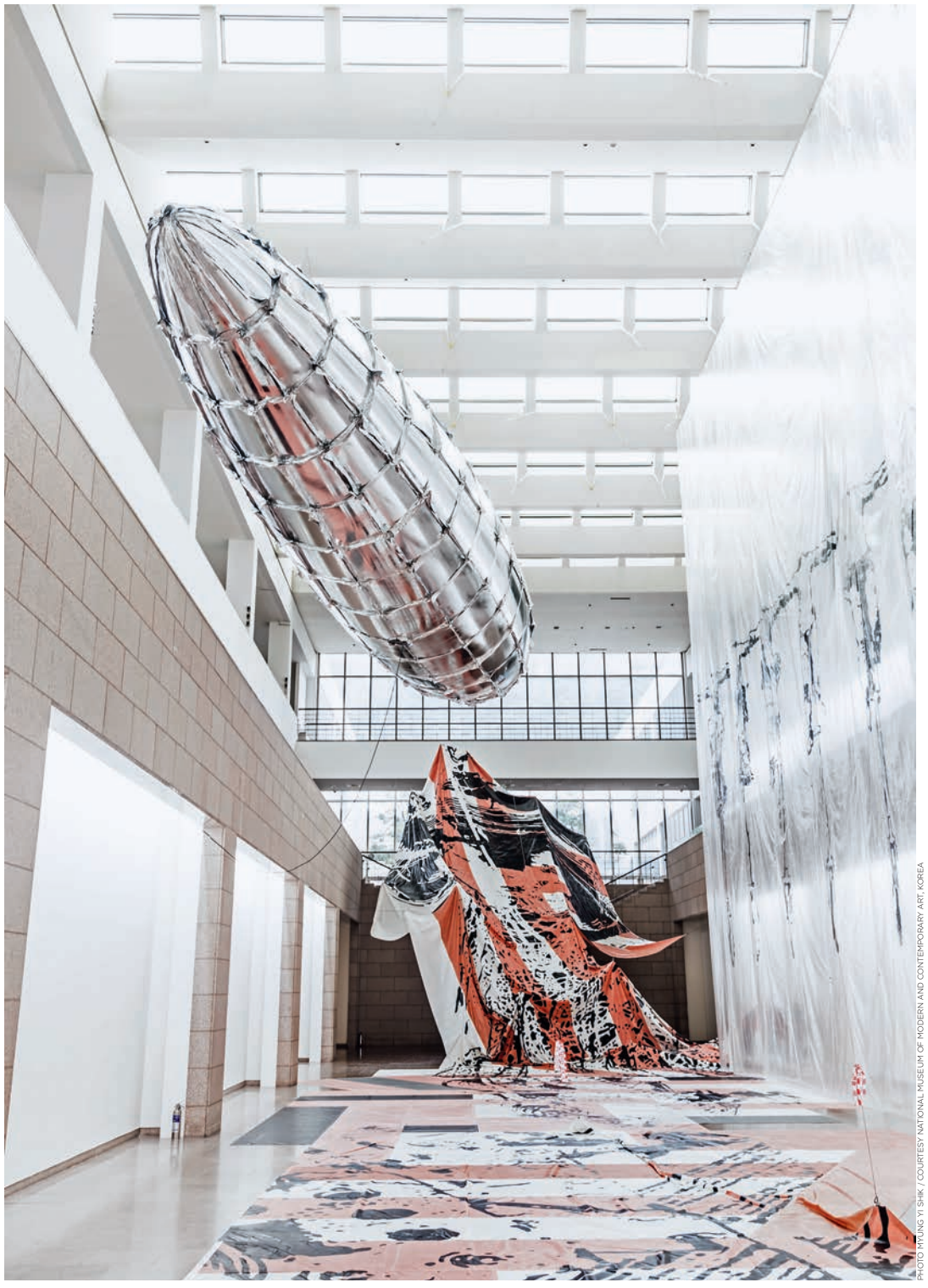

PHOTO MYUNG YI SHIK / COURTESY NATIONAL MUSEUM OF MODERN AND CONTEMPORARY ART, KOREA

«Желание быть уязвимым», 2015–2016

PHOTO JEON BYUNG-CHEOL / COURTESY LEE BUL

Без названия («Картина погребенной памяти»), 2008

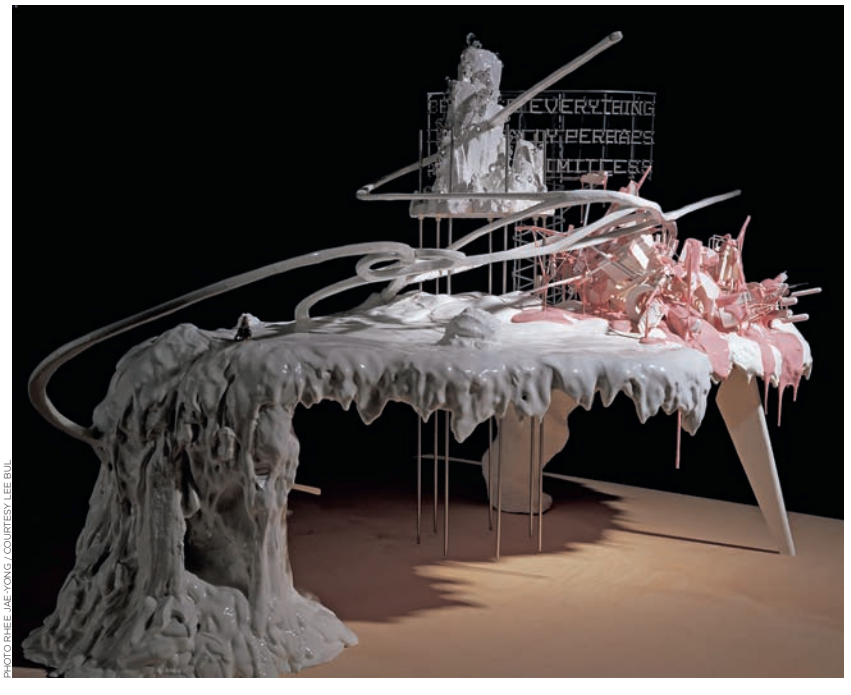

PHOTO RHEE JAE-YONG / COURTESY LEE BUL

«Мое великое повествование», 2005

PHOTO ELISABETH BERNSTEIN / COURTESY LEHMANN MAUPIN, NEW YORK, HONG KONG, SEOUL, AND LONDON

«Через отрицание II», 2014

идеального концлагеря, на собственной шкуре испытавшего все удовольствия «надзирать и наказывать».

По контрасту к темному, зловещему подземелью «Города Солнца» весь второй этаж наполнен воздухом: аэростат, воздушный шар, прозрачные конструкции с лампочками и обрывки какого-то гигантского шатра, словно бы сдувшегося купола цирка, входят в открытую ко всяческим перекомпозициям инсталляцию «Желание быть уязвимым». Именно к этой инсталляции подверстана российская составляющая блокбастера: это и открывший выставку международный симпозиум «Утопия спасенная: Ли Бул о русском авангарде», и многочисленные статьи в каталоге, на разные голоса доказывающие глубинную связь Ли Бул с советскими художниками-радетелями о светлом будущем, и особая часть экспозиции. «Дирижабль» Купцова предшествует целой галерее, составленной из работ Ивана Леонидова, Якова Чернихова, Казимира Малевича, Лазаря Лисицкого, Александры Экстер, Александра Родченко, Александра Лабаса,— это отличная подборка, многие вещи из региональных музеев не часто увидишь в столицах. К тому же в самом конце галереи зрителя ждет сюрприз: жестяная плоская рыбина, подвешенная над зеркалом, чтобы ее можно было рассмотреть со всех сторон, оказывается моделью оболочки дирижабля, собственноручно сконструированной «калужским мечтателем» Циолковским накануне Первой мировой (раритет привезен из Музея истории космонавтики имени Циолковского в Калуге). Правда, признаков какого-то всепоглощающего увлечения русским авангардом почему-то совсем не найти в искусстве Ли Бул: ее дивная, эстетская графика выдает интерес к немецкому архитектурному модернизму, в первую очередь — к Бруно Тауту, во вторую — к Баухаусу, а в ее объектах читаются цитаты из европейского кинетизма, произросшего главным образом на баухаусовской почве. Да и серебристый дирижабль при входе имеет немецкий прототип.

Из любого выставочного или ярмарочного каталога мы можем узнать, что этот объект Ли Бул отсылает к катастрофе дирижабля «Гинденбург», символа промышленно-технического прогресса Третьего рейха: крушение «Гинденбурга» 6 мая 1937 года, положившее конец эпохе пассажирских цеппелинов, было запечатлено во множестве фотографий и кинохронике, сделавшись частью коллективной памяти человечества,— в графике и объектах художница постоянно обращается к этим катастрофическим образам, благо они созвучны столь важной для нее идее о внутренней хрупкости любых тоталитарных утопий. Дело, конечно, вовсе не в том, что деликатная корейская сторона сочла невежливым привозить в страну-победительницу напоминания об индустриальных успехах нацистской Германии, так что дирижабль Ли Бул переобулся на лету из Южной Кореи в Россию, чтобы стать оммажем Циолковскому и прочим русским космистам. Дело в том, что из этой выставки вообще вычищены любые указания на политическое содержание искусства Ли Бул, дочери корейских диссидентов, не понаслышке знавших об арестах, пытках и тюрьмах. Все ее киберфутуристические и утопические работы так или иначе говорят о диктатуре, тоталитаризме, биополитике, насилии над человеком, несвободе. Важным элементом инсталляции «Желание быть уязвимым» служит многометровый прозрачный занавес с фигурами обезглавленных цирковых акробатов на моноциклах — испокон веков публичные казни были неотъемлемой частью развлекательной культуры, и Ли Бул, любительница карнавально-ярмарочной эстетики (уж не отсюда ли ее интерес к Бахтину?), разумеется, принимает это в расчет. Прозрачного занавеса с обезглавленными в Манеже нет — есть только маленький эскиз к нему.

Если уж и искать точные рифмы к искусству Ли Бул в русской культуре, первое, что приходит на ум,— это Илья Кабаков, такой же мастер работать с пространством: с воздухом несвободы, насилия и страха. Можно было бы и не навязывать Ли Бул каких-то партнеров — она вполне могла бы выступить с сольным танцем, благо темы диктатуры, тюрем, пыток и полицейского насилия не то чтобы совсем далеки от отечественных реалий. Это, конечно, не самые подходящие темы для Петербургского международного культурного форума. Да и Ли Бул со своими зеркалами, отражающими реальность, пусть и весьма странным, криво-балаганным, метафорическим образом, не самый подходящий для форума кандидат. Перенастроить эти зеркала так, чтобы они не отражали ничего, кроме всемирно-исторической роли русского авангарда в развитии современной глобальной культуры,— задача сложная. Впрочем, не сложнее, чем подковать аглицкую стальную блоху.

«Ли Бул. Утопия спасенная». Санкт-Петербург, Манеж, до 31 января

Что смотреть на «Артдокфесте»

Выбор *Ксении Рождественской* и *Константина Шавловского*

3 декабря в Москве начнутся показы Международного фестиваля авторского документального кино. В «Октябре» можно будет увидеть сокращенную версию программы — остальные показы перенесены на апрель. Тем не менее организаторы планируют провести 10 декабря торжественную церемонию закрытия, где будут объявлены победители второго по значимости конкурса «Артдоксеть» и названы лауреаты национальной премии в области неигрового кино «Лавр». Рассказываем о самых интересных фильмах несостоявшегося «Артдокфеста-2020», которые все же можно увидеть на большом экране прямо сейчас

CAT&DOGS; GINESTRA FILM

Горькая любовь

Ежи Сладковский

6 декабря, 20.00

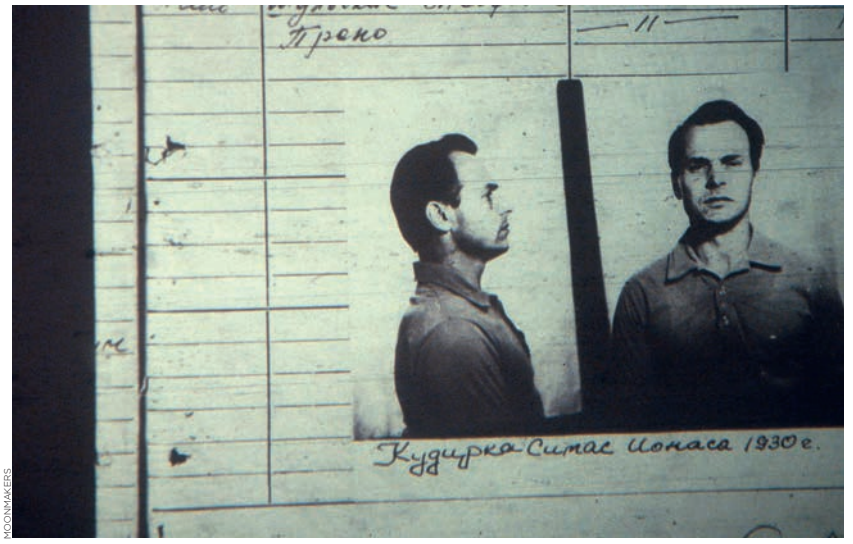
По регламенту в конкурсе «Артдокфеста» участвуют русскоязычные фильмы вне зависимости от страны происхождения и гражданства режиссера. Именно поэтому польский режиссер Ежи Сладковский, живущий в Швеции,— постоянный участник конкурсной программы. Раз в несколько лет Сладковский выпускает фильм, который неизменно получает призы на крупнейших международных кинофестивалях документального кино. Снимает по большей части в России: «Дон Жуан», снятый в Нижнем Новгороде, получил гран-при в Амстердаме на фестивале IDFA, а «Водочный завод», снятый в Жигулевске,— главный приз в Лейпциге. «Горькая любовь» — многофигурная композиция о поисках любви и смысла жизни. Фильм, действие которого происходит на круизном теплоходе «Максим Горький», выглядит полнометражной выездной сессией какого-то телешоу центрального канала, вроде «Давай поженимся»: якобы документальные диалоги, снятые с нескольких камер, многозначительные виды волжских просторов, герои не только пьют и жалуются на горькую долюшку-долю, но и поют русские песни, красиво вышагивая по палубе, как делают, очевидно, все русские люди в летнем круизе. Создается полное впечатление, что режиссер соблазнил главными ролями телевизионную массовку, раздал героям характеристики персонажей и отправил в долгое счастливое плавание с киногруппой. Третий фильм, снятый подобным образом, тянет на творческий метод: кажется, что за пределами РФ это читерство списывают на загадочную русскую душу, счастливо распахивающуюся навстречу камерам европейского документалиста.

Прыжок

Гедре Жицките

10 декабря, 20.30

Литовский моряк Симас Кудирка в 1970 году перепрыгнул с палубы советского судна на палубу американского корабля береговой охраны, чтобы выбраться «из советской тюрьмы». Но на американском корабле его жестоко избили и вернули обратно. Это только начало истории, которую рассказывает и заново разыгрывает живой, бодрый и веселый девяностолетний Кудирка в фильме «Прыжок». Режиссер Гедре Жицките («Как мы играли в революцию», приз за лучший короткий метр «Послания к человеку — 2016» за фильм «Я не отсюда») во всех своих работах пытается понять, что такое свобода и какая у нее цена. Симас Кудирка, отсидевший в советских лагерях, в какой-то момент стал символом свободы для очень многих американцев. В фильме изобретательно сплетаются реконструкция, хроникальные кадры, интервью — в результате получается портрет не столько свободы, сколько поднявшей ей цену Холодной войны.

MOONMAKERS

Кит из Лорино

Мачей Куске

6 декабря, 11.00

Чукотка, край света, вечная полутьма. Повседневная жизнь чукчей — дети в школе проходят «зарождение человека», продавщица в пустом магазине проверяет долги китобоев, не слушая их причитаний «Завтра охота, я отдам!», детские ансамбли репетируют свои танцы, китобои выходят на промысел, памятник Ленину смотрит в несостоявшееся будущее. Возникает желание сравнить эту сумеречную драму с северным эпосом Алексея Вахрушева «Книга моря» — в обоих фильмах рассказаны одни и те же мифы и стынет одна и та же вода,— но такое ощущение, что это снято в разных вселенных. Польский режиссер Мачей Куске («Электричка», «Романтик») говорит, что всегда интересовался «пограничными» областями России, и Чукотку он считает трагическим регионом, который постепенно умирал: сначала под советским строем, потом во время перестройки, и эта смерть длится и длится. Охота на кита у Куске — мифологическое действие, которое разрушает мир. Распадающаяся цивилизация сталкивается здесь с исчезающей природой, и неудивительно, что сам режиссер видит «Кита» как апокалиптический образ.

POKROMSKI STUDIO

Чермет

Николай Н. Викторов

5 декабря, 11.30

Больше всего это похоже на злую компьютерную бродилку: герой Илья, жилистый гопник-поэт, гоняет на своем фургоне по серому полупустому городку за полярным кругом, подпевает Монеточке, матерится, вспоминает свое дикое детство, где может и как может собирает металлолом. Илья зарабатывает сдачей металла, алкоголь ненавидит, а вот к Сталину относится хорошо. И хочет в Москву, в Москву. Даже представляет, как это будет: «Приехал и покорил Москву. Вышел с этим чемоданчиком на площадь Трех вокзалов — и они просто о*****и». Николай Н. Викторов показывает то ли социопата, то ли просто мизантропа, то ли человека с детской травмой. А кем еще быть в полумертвом городе, где на стенах пишут: «Тлей медленно, как никто другой»? Илья тлеет. Режиссер закончил в этом году ВГИК, «Чермет» — его полнометражный дебют.

НИКОЛАЙ НВИКТОРОВ

Тени твоего детства

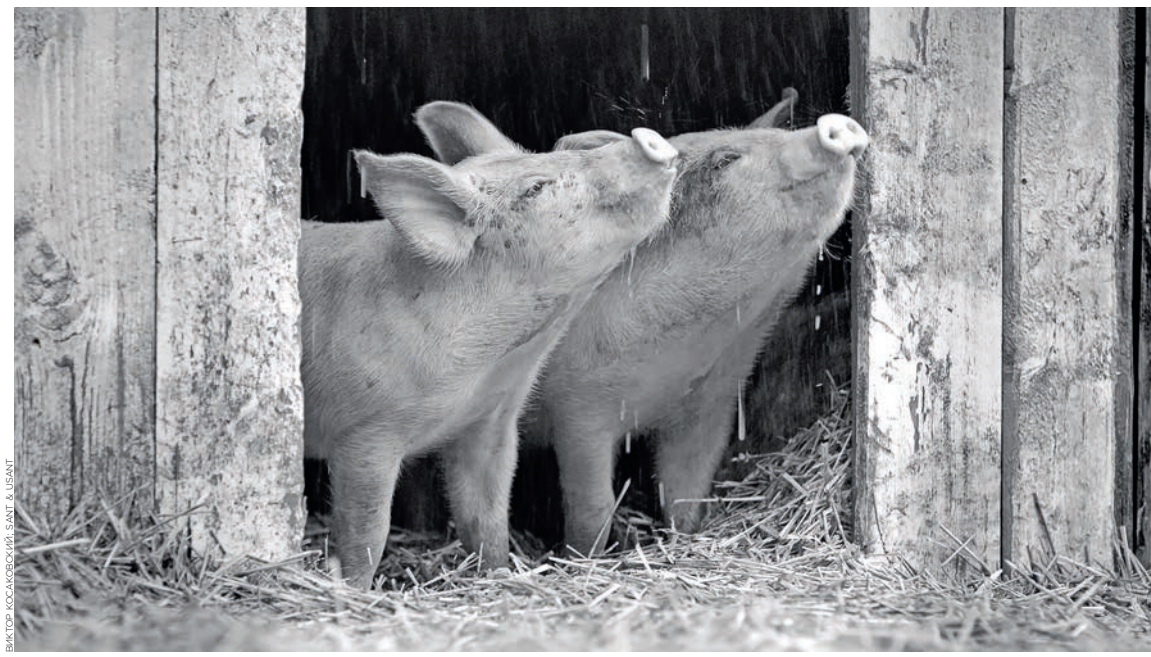
Михаил Горобчук

6 декабря, 20.00

В 2018-м Михаил Горобчук («Пятерка») сделал подарок своей новорожденной дочери — фильм «Катя и Стефания. Портрет в интерьере», тихую сказку о том, что такое уют, что такое настоящая большая семья, как родители ждут ребенка, занимаются повседневными делами и из всего этого рождается счастье. «Тени твоего детства» — своеобразное продолжение того фильма, совершенно неожиданное, похожее на стеклянный шар со снегом или волшебный фонарь. Главные герои — тени, сполохи детской дачной жизни: вот едет электричка, рассекая тьму, вот взрываются фейерверки, вот солнце заливает светом маленькую девочку, вот тень матери берет на руки тень ребенка, вот падает лист с дерева. Сам Горобчук называет этот фильм экспериментальным, это, по его словам, «попытка визуализировать будущие воспоминания моего ребенка». На самом деле что-то такое хотел бы вспомнить о своем детстве каждый взрослый.

МИХАИЛ ГОРОБЧУК

ВИКТОР КОСАКОВСКИЙ, SANT & USANT

Гунда

Виктор Косаковский

5 декабря, 20.00

Новый фильм Виктора Косаковского, побывавший на Берлинале и уже показанный в России на закрытии «Послания к человеку». К «Гунде», по словам самого Косаковского, он шел всю свою жизнь. Режиссер, который переоткрыл российское документальное кино в «Лосеве» (1989), «Беловых» (1992) и «Среде» (1997), с каждым новым фильмом все дальше отходил от человека, кажется, теряя к нему интерес. Если в «Да здравствуют антиподы!» (2011) люди еще были значимой частью пейзажа, то «Акварель» (2018) стала уже высказыванием о планете, на которой человек — случайный, незваный и опасный гость. «Гунда» — это крупный портрет свиньи, выкармливающей поросят. Харизматичные герои второго плана — курица и корова. Людей в фильме нет, они не интересны автору даже как персонажи массовки: в киновселенной Косаковского они существуют теперь только как зрители в кинозале. Зато, наверное, впервые зритель становится в фильме Косаковского не потребителем, а производителем смыслов: «Гунда» — это, строго говоря, фильм-перформанс, участникам которого предлагается полтора часа в темном зале не шелохнувшись смотреть на черно-белый портрет свиньи так, как принято рассматривать произведения Рембрандта или да Винчи. Сопродюсер фильма — веган и защитник животных Хоакин Феникс.

ДАРЬЯ СЛЮСАРЕНКО. ПРОИЗВОДСТВО ШКОЛЫ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО И ТЕАТРА МАРИНЫ РАЗБЕЖКИНОЙ И МИХАИЛА УГАР

Джой

Дарья Слюсаренко

6 декабря, 11.00

Один из лучших дебютов года — фильм выпускницы Школы документального кино и театра Дарьи Слюсаренко о цирке-шапито «Джой», уныло колесящем по провинциальным российским городкам. У домины-дрессировщицы сбежала рысь, и все зло она вымещает на своем ассистенте-любовнике. Грустный клоун Валера выступает один, пока к нему в пару не нанимается клоунесса Яна. Яна, новенькая в цирке, становится проводником режиссера и зрителя в этом герметичном террариуме единомышленников. Они с Валерой безуспешно пытаются найти общий язык, отрепетировать новый номер, который все никак не клеится, а потом мы последовательно узнаем, что Валера — пьянчужка и бытовой расист, который видит в Яне не столько человека и напарницу, сколько просто хочет от нее бесплатного секса и прилагающегося к нему, по-видимому, эмоционального и бытового обслуживания. И мы покидаем «Джой» вместе с Яной тогда, когда захватившая нас мрачная галлюцинация, переливающаяся злыми огоньками, начинает уже потихоньку отпускать. Как отпускают нас детские страхи — «оно» оказывается не потусторонней нечистью, а постсоветским пространством, которое медленно разрушает причастных к нему людей и зверей, но из которого можно уйти, просто отказавшись быть его частью.

Котлован

Андрей Грязев

5 декабря, 14.45

Found footage Андрея Грязева, показанный, как и его прошлая работа «Завтра» (2012) об арт-группе «Война», в документальной секции Берлинского кинофестиваля. Грязев собрал в одном фильме самые яркие и смелые видеообращения граждан к президенту Российской Федерации Владимиру Путину, предварив их гомерически смешным прологом — нарезкой телевизионных новостей и любительского видео о том, как россияне то и дело сталкиваются с загадочным и почти платоновским явлением строительных котлованов. Судя по этой нарезке, котлованы возникают с регулярной периодичностью то тут, то там и стоят без изменений годами и десятилетиями, превращаясь в место жизни и смерти и, конечно, являясь идеальной метафорой обещания лучшего будущего, которое никогда не наступит. Сами обращения граждан смонтированы от частного к общему — если в начале это одинокие голоса возмущенных людей (такого количество мата в российском кино, кажется, еще не было), то в финале к Путину обращаются уже целые деревни. Парадоксальным образом в программу «Артдокфеста» включен настоящий братблизнец «Котлована», фильм Лилии Филиной «Страна лилипутов на западе будет уничтожена», смонтированный из найденных в интернете видео организации «Отряды Путина». К сожалению, «Страну лилипутов» покажут только в апреле, хотя концептуальный сдвоенный показ этих работ очень расширил бы представление о повседневной жизни России 2010-х.

АНДРЕЙ ГРЯЗЕВ

Горбачев. Рай

Виталий Манский

3 декабря, 19.00

Фильм президента «Артдокфеста» Виталия Манского — портрет первого президента СССР Михаила Горбачева. Манский решил запечатлеть осень патриарха после Вернера Херцога, чья «Встреча с Горбачевым» совсем недавно выходила в ограниченный прокат в России. Разумеется, с соотечественником Горбачев говорит иначе, чем с великим немцем, но, кажется, Манскому важнее снять не путаные речи бывшего вождя, а запечатлеть страну молчания и тьмы, куда постепенно погружается его герой. Отношения человека и власти, которая ему досталась,— одна из центральных тем в творчестве режиссера: свой предыдущий фильм «Свидетели Путина» он снимал в том числе на основе собственных хроник первой предвыборной кампании Путина в 2000-м. «Горбачев. Рай» покажут на открытии сокращенной программы «Артдокфеста» сразу после ноябрьской премьеры в конкурсе IDFA.

STUDIO VERTOV. DECKERT DISTRIBUTION

Телефонное право свободы

Алексей Васильев о «Человеческом голосе», в котором Тильда Суинтон крушит декорацию, а Педро Альмодовар — собственный стиль

В прокат выходит «Человеческий голос», получасовой фильм-спектакль Педро Альмодовара по знаменитой пьесе Жана Кокто, главную и единственную роль в котором сыграла Тильда Суинтон. Пьесу о невыносимости и неизбежности расставания Альмодовар интерпретирует в кино не в первый раз, но впервые с ее помощью пытается порвать с собственным методом

Женщина резко просыпается от телефонного звонка. Из слов, которые она произносит в трубку, мы понимаем, что звонит мужчина: они были вместе пять лет, а три дня назад он окончательно оставил ее ради другой, на которой, по-видимому, скоро женится. Женщина знала, что так будет, с самого начала, но решила, что пять лет счастья стоят будущих слез. Его вещи собраны в чемоданы, их любовные письма убраны в портфель — и вместе с псом, которого он когда-то завел в их общей квартире, ждут, когда за ними придут. Женщина бодро рапортует, что гуляла с подругой, совершала покупки, обедала в ресторане. Связь прерывается. Женщина перезванивает и выясняет, что он наврал, будто звонил из дома: слуга отвечает, что хозяина нет.

Эта ложь, открывающая, что, как и прежде, он где-то в шумном городе живет своей отдельной, непроницаемой для нее жизнью, прорывает плотину и при следующем дозвоне заставляет ее полностью изменить показания: все эти три дня она не одевалась, не ела, ждала возле скулящей и тоже некормленой собаки и собранных чемоданов его звонка, а еще выпила на ночь 13 таблеток снотворного, чтобы он нашел ее полуживой.

Еще один обрыв связи — и женщина только сетует: раньше, когда люди встречались лично, одного взгляда было достаточно, чтобы переломить ситуацию, но эти проклятые телефоны выносят всему приговор: что кончено — то кончено навсегда. И шепчет стократно: «Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя…»

Такова драма в трех актах пьесы-монолога Жана Кокто для одной актрисы и телефона в вольном пересказе Педро Альмодовара и в исполнении Тильды Суинтон. Впервые «Человеческий голос» был поставлен на парижской сцене ровно 90 лет тому назад. Банальный, в сущности, монолог — мало сыщется не только женщин, но и мужчин, которые хотя бы раз в жизни не произносили в телефон то же самое. Разнятся интонации, мера униженности, бравады, притворства — то, что делает одинокий голос человека таким уникальным. Потому вот уже 90 лет голос брошенной женщины разносится без перерыва на всех языках мира в исполнении актрис всех поколений — от Анук Эме и Лив Ульман до Эльзы Зильберштейн и Розамунд Пайк — со сцен, телеэкранов, пластинок и по радиоволнам.

В 1948 году «Человеческий голос» впервые сыграли в кино: фильмом «Любовь» отец неореализма Роберто Росселлини простился со своей тогдашней подругой Анной Маньяни. Его «Человеческий голос» — удушливый, весь из незастеленной постели, рюшей и зеркал мир женщины, зациклившейся на одном мужчине, а 40-летняя Маньяни приправила драму комедией — так по-коровьи разревелась на просьбе сжечь их письма и сохранить пепел в портсигаре, который она ему подарила, что было понятно: эта, с ее чисто итальянским даром заправской плакальщицы, отыграет истерику и сдюжит.

В 1966-м под руководством Теда Котчеффа (будущего автора «Рэмбо: Первая кровь») Ингрид Бергман — женщина, ради которой Росселлини тогда бросил Маньяни,— дала совсем другой портрет: посреди квартиры в Хэмпстеде, где без умолку лаяла овчарка, по потолку бежала трещина от опасно массивной люстры, а сигаретные бычки плавали в залитых алкоголем пепельницах, 50-летняя Бергман, в плаще поверх розового пеньюара, из-под щедро натушенных ресниц играла жалкость и стылость размалеванной старости, когда пришло время отпустить из морщинистых пальцев любовь навсегда.

С конца 1950-х, когда Франсис Пуленк переложил монолог Кокто на музыку, к драматическим актрисам присоединились оперные певицы. Несмотря на бульварность, буржуазную камерность истории, этот оперный монолог смотрели телезрители даже в СССР времен глухого застоя: в 1981 году игра литовской сопрано Гедре Каукайте и вдумчиво отобранные приемы телеспектакля снискали сплошь восторженные рецензии в брежневской прессе.

В 1988-м в телеверсии ленкомовского спектакля 36-летняя Елена Шанина показала женщину, профукавшую свою жизнь под таким напускным легкомыслием, что, похоже, она и не могла прочувствовать любовь за те ей выпавшие пять лет: восьмидесятническая невозмутимая монотонность срывалась в озлобленные проклятия пустой трубке. Наконец в 2014-м 80-летняя София Лорен в фильме своего сына Эдоардо Понти неожиданно пересказала знакомый текст голосом всех матерей, которые успокаивают сыновей словами, что у них все в порядке и не стоит о них беспокоиться, и так же, совершенно по-матерински, не выдерживала, проплакивалась в конце многократным «Люблю».

Сам Альмодовар ставит в кино «Человеческий голос» уже в третий раз. Дважды он брался за него в свой золотой век, во второй половине 1980-х. В «Законе желания» (1987) есть спектакль внутри фильма: по сцене ездит, как ангел, стоя на спрятанной под просценок тележке, маленькая девочка, а Кармен Маура громит топором декорации своей квартиры под «Ne me quitte pas» Жака Бреля. Про топор, у Кокто не фигурирующий, Альмодовар рассказывал такую историю: что-то в декорации настолько смущало и тяготило его, что в утро съемки он для храбрости нанюхался кокаина и, придя

EL DESEO S.A. - FILMNATION ENTERTAINMENT

в студию, понял, что настолько ненавидит эту работу художника, что готов разрубить ее топором, и натурально вложил его в руки героини. Так одновременно была уничтожена и ненавистная Альмодовару картонка, и дом, в котором любовь спала в обнимку с постоянной ложью.

В «Женщинах на грани нервного срыва» (1988) Альмодовар планировал использовать текст Кокто уже в формате полнометражного фильма: в зачине у него и чемоданы уже были собраны, и снотворное приготовлено, и квартиру начали разносить — но когда стал писать сценарий дальше, героиня (ее снова играла Маура) успевала добежать до телефона, только когда уже включался автоответчик, в дверь то и дело звонили непрошеные гости, один чуднее другого, и монолог Кокто превратился в самую многофигурную, болтливую и отвечающую духу старого Голливуда комедию испанца.

Нынешняя ситуация с коронавирусом (Альмодовар, слава богу, уже благополучно переболел) как будто сама подсказала идею снимать монофильм. Актуализировался и прием с телефоном — «бесконтактным», как мы теперь говорим, способом общения. Кроме того, Альмодовар уже очень давно собирался с духом, чтобы снять голливудский проект. Среди возможных исполнительниц одно время фигурировала Мерил Стрип, а после американской премьеры «Высоких каблуков» еще в 1992-м к нему сами подошли Гленн Клоуз и Сюзан Сарандон и заверили, что сделают в его фильмах что угодно. Альмодовар дважды писал сценарии по английским романам — но оба раза спасовал перед незнанием интонационных нюансов чужого языка и переносил действие на испанскую почву. И именно так на свет появились два его самых блеклых фильма, «Живая плоть» (1997) и «Джульетта» (2016). Монофильм со Суинтон дал ему проверить с минимальным постановочным риском, получается ли у него в принципе сладить с английским.

К получасовому фильму — а если не слишком отходить от текста Кокто, то так примерно и получается — прокатчики прикрутили запись его зум-обсуждения: кинокритик Марк Кермод вместе с режиссером и актрисой обсуждают и нахваливают «Человеческий голос» гораздо дольше, чем идет сам фильм. Это решение, впрочем, не лишено определенного обаяния: Альмодовар всегда был мастак рассуждать о своих работах, и его анализ собственных постановок, пояснение тех или иных отобранных решений и выразительных средств — отдельный аттракцион. Суинтон оказалась достойной партнершей: в парном конферансе они сработались, как лиса Алиса и кот Базилио, и после их комментариев зритель наверняка покинет зал с чувством, что увидел нечто гораздо более внятное, чем то, что, собственно, происходило на экране первые полчаса.

Сам по себе «Человеческий голос» Альмодовара в большей степени проект — в том смысле, в каком это слово употребляют галерейщики,— чем подлинный фильм. Кино все же живет страстями и интригой — то есть именно тем, чего уже четверть века недостает фильмам Альмодовара. Полюбившийся за свои смешливые и яркие оды человеческому упрямству, начиная с «Цветка моей тайны» (1995) Альмодовар поставляет продукцию пластически безупречную, по форме иногда даже более совершенную, чем его фильмы 1980-х, но по сути все это «Альмодовар с потухшими глазами». В прошлогодней «Боли и славе» он честно рассказал, почему лажал все эти годы,— и это искреннее признание стало его самой большой режиссерской удачей последних лет.

Стратегия оправдывания ожиданий зрителей, которые в каждом новом фильме рассчитывают получить «прежнего Альмодовара», оказалась тупиковой, и Альмодовар решил символически разрушить свой киномирок. Квартира, в которой ждет звонков Суинтон, выстроена внутри павильона: камера то и дело нарушает четвертую стену, то поднимаясь над потолком и показывая сверху выстроенный макет-декорацию, то выпуская разодетую в Balenciaga героиню за дверь квартиры — как всегда, набитой разноцветной мебелью — посидеть на дешевом компьютерном кресле и выкурить сигаретку среди голых бетонных стен студии. Прием позаимствован у Фассбиндера: в телебенефисе старушки-звезды немецкого варьете Бригитты Миры «Как птица на проводе» (1975) немец так же посреди представления показывал маленький цирк, где выступала дива, через камеру, поставленную над отсутствующим потолком, за штативами, картонными стенами, среди бетона павильона, и веселая публика оказывалась такой же частью представления, как сама артистка, такой же декорацией, как красный ковер манежа.

В «Человеческом голосе» такой частью представления, такой декорацией становится сам стиль Альмодовара. Балкон квартиры копирует знаменитый балкон из «Женщин на грани…», многие предметы декора мы видели в прежних фильмах, слышали мы в них и музыку: для «Голоса» его постоянный композитор Альберто Иглесиас переаранжировал мелодии из «Кожи, в которой я живу» (2011) и «Поговори с ней» (2002). Альмодовар сначала показывает, что так любимый его поклонниками уют — всего лишь кукольный домик внутри бетонных стен, а потом дает Суинтон наброситься на него с топором и в итоге сжечь. В финале Суинтон выходит на свет дня в компании собаки бросившего ее возлюбленного — и это невозможно не прочесть как обещание Альмодовара вернуться от самозацикленности и самоповторов его прежних лент к живой реальности.

В прокате с 3 декабря

EL DESEO S.A., FILMNATION ENTERTAINMENT

Игра протоколов

Татьяна Алешичева о трех главных женщинах Британии 1980-х в новом сезоне «Короны»

ФОТОГРАФИИ: НА СТРАНИЦЕ: NETFLIX

Netflix показывает четвертый сезон сериала «Корона», в котором леди Диана представлена невинной жертвой Виндзоров, а Маргарет Тэтчер — несгибаемой железной перечницей

К четвертому сезону «Короны» Виндзоры вступают в 1980-е, когда умы жителей Британии куда больше самой королевы занимали две другие женщины. В это десятилетие леди Диана Спенсер стала принцессой Уэльской и сгорела, как свеча на ветру, а Маргарет Тэтчер выиграла войну за Фолкленды, железной рукой провела Британию через непопулярные экономические реформы и была низложена собственной партией, уставшей от ее радикальных жестов. К первой автор сериала Питер Морган питает безоговорочную симпатию, а вторую изображает в почти карикатурном виде.

Для начала обе они должны пройти через испытание Балморалом — визит в шотландский замок королевы (Оливия Колман) приравнивается к вступительному экзамену. От него зависит, будет ли гость признан чужаком или войдет в ближний круг королевской семьи. Для «бакалейщицы» Тэтчер (Джиллиан Андерсон) это приглашение оборачивается кошмаром: им с мужем зачем-то приготовили разные спальни, а горничная услужливо разбирает их чемоданы. «Она рылась в моих вещах!» — возмущенно шипит миссис Тэтчер, представляющая себе королевский замок как очень дорогую гостиницу со странными правилами. Ее приземленный здравый смысл не может осилить хитроумную логику официального дворцового протокола, и самую ужасную ошибку «железная леди» совершает, явившись на королевскую охоту на каблуках. Когда, устав от бессмысленных протокольных мероприятий, она наконец берется за неотложные документы, спесивая принцесса Маргарет (Хелена Бонем Картер) устраивает премьерше выволочку — да как она посмела усесться в кресло королевы Виктории!

«Богатые не похожи на нас с вами»,— утверждал писатель Фицджеральд. Аристократы не похожи тем паче. Вышедшей из низов Тэтчер претит косность «всех этих лордов и сквайров», населяющих ее парламент и тормозящих реформы. Что до королевской фамилии, то на их счет она заблуждается — как обыватель. Они вовсе не держатся всю дорогу за протокольный цирлих-манирлих, на охоте запросто месят грязь в стоптанных ботинках и играют тесным семейным кругом в буриме. Но эта аристократическая «простота» вовсе не означает «простецкость». Вольно или невольно Питер Морган развенчивает миф о необыкновенной тактичности королевы: заставить гостью переживать бесконечные унижения в сражении с протоколом, изо дня в день чувствуя себя слоном в посудной лавке,— ничем не оправданный, бессмысленный и беспощадный снобизм. Премьерша думает, как бы понравиться Виндзорам (пока не понимает, что это напрасный труд), а они думают, кому из них повезет подстрелить оленя, чтобы водрузить его голову на стену в столовой.

Эти оленьи чучела — будто картинка из старой сказки, а на нынешний прогрессивный взгляд и вовсе какая-то средневековая дикость. А этот взгляд в сериале еще как учитывается: когда речь заходит о психотравмах, одолевших в несчастном браке бедную Диану (Эмма Коррин), на экране не раз появляется предупреждение, что демонстрация ее булимии может ранить нежные чувства зрителя. И это ее, Диану, Питер Морган представляет затравленным олененком, милым Бемби с доверчиво распахнутыми навстречу принцу глазами.

Образ Чарльза (Джош О'Коннор) претерпевает в новом сезоне значительные изменения: это уже не милый парень, которого замуштровали как престолонаследника и лишили возлюбленной, а типичное яблоко от королевской яблони. Все еще зацикленный на ныне замужней Камилле, в то же время бесконечно ревнующий молодую жену к ее публичному успеху, Чарльз обращается с ней так, что порядочная девушка не выдержала бы и пяти минут. Диана и не выдерживает. И пополняет ряды женщин, тяготящихся своим статусом в этой семье, следом за героиней предыдущего сезона, эксцентричной принцессой Маргарет, и своей золовкой принцессой Анной (Эрин Доэрти), девушкой независимого нрава, которой принадлежность к королевской фамилии тоже не дает жить своей жизнью.

Лишь раз королевскую мелодраму в новом сезоне сменит фирменный британский «кухонный реализм» — в эпизоде, посвященном безработному охламону и патентованному безумцу Майку Фэгану. Фэган (Том Брук) дважды проникал в Букингемский дворец, но в первый раз королевы в нем не было и он всего лишь выпил бутылку вина из монарших запасов. А вот во второй раз (так инцидент представлен в сериале) ему довелось десять минут, сидя на краю монаршей постели, просить Елизавету Вторую «спасти страну от этой Тэтчер», которая ведет никому не нужную войну, пока растет безработица и образ «старой доброй Англии» катится к чертям. Питер Морган не преминет обозначить и другие грехи премьер-министра, например ее упрямое нежелание одобрить санкции против режима апартеида в ЮАР, за которые ратует королева,— якобы из-за того, что у сына Тэтчер был бизнес в этой стране. Но мелодрама из семейных историй Виндзоров удается ему куда лучше, чем памфлет о «железной леди» со скрипучим голосом и прической как сноп, заслуги которой королева все же признала — чего не скажешь о ее подданных. В русле их симпатий и выстроена эта история о женщинах, царивших в Британии 1980-х: из них только не обладающая никакой властью Диана, так и не выучившая правил королевской игры, была отчасти похожа на нас с вами.

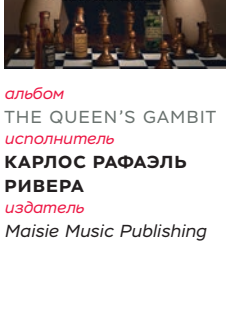
Смотреть: Netflix

АЛЬБОМЫ НОЯБРЯ ВЫБОР БОРИСА БАРАБАНОВА

альбом
THE QUEEN'S GAMBIT
исполнитель
КАРЛОС РАФАЭЛЬ РИВЕРА
издатель
Maisie Music Publishing

Неутихающие восторги по поводу сериала «Ход королевы» (так в русской версии Netflix назвали «Ферзевый гамбит») по большей части адресованы его создателям Скотту Фрэнку и Аллану Скотту, актрисе Ане Тейлор-Джой и художникам, придумавшим наряды и интерьеры. О музыке говорят меньше, а между тем оригинальная звуковая дорожка «Гамбита» — отдельный музыкальный шедевр. Музыку написал американский композитор гватемальского происхождения Карлос Рафаэль Ривера, ранее работавший со Скоттом Фрэнком над сериалом «Забытые богом». В «Ходе королевы» сыграно около 300 шахматных партий, и к каждой из двадцати главных Ривера написал отдельные законченные пьесы. Сцены из жизни героини в приюте оформлены в довольно скромных тонах — мы слышим в основном фортепиано и виолончель. Но для финальных партий, которые Бет Хармон играет в нарисованной на компьютере Москве, Ривера создал масштабные оркестровые картины, включая финальную под названием «Sygraem». Для полноты ощущений стоит слушать музыку Риверы в очередь со шлягерами 1960-х, которые для сериала отобрал музыкальный супервайзер Квентина Тарантино и Оливера Стоуна Уайли Стейтмен.

альбом
КРОМЕШНА
исполнитель
OQJAV
издатель
Студия Союз

Лидер инди-группы OQJAV Вадик Королев этой осенью стал едва ли не самой обсуждаемой персоной московского артистического сообщества. Благодаря главной роли в фильме «Человек из Подольска» по популярной пьесе Дмитрия Данилова, имя музыканта оказалось у всех на устах, если считать «всеми» аудиторию артхаусного кино и нежного инди. Добрался артист и до «Вечернего Урганта», причем оказался прямо на диване, в роли собеседника ведущего, что с инди-артистами бывает редко. У альбома интригующее название и прекрасная черно-белая обложка, в которой использован фотоснимок работы актера Владимира Мишукова. Вадик Королев пишет об альбоме: «„Кромешна“, наверное, первый наш лонгплей, музыкально, как и раньше, эклектичный, но по высказыванию — единая, пусть и многоаспектная лужа любви, тоски и точки невозврата». В принципе, «лужа любви, тоски и точки невозврата» — фраза-альбом. Так что если вы начали слушать «Кромешну» и не смогли заставить себя далеко продвинуться, не стоит отчаиваться. Того, что окружает альбом, вполне достаточно.

альбом
WILTED
исполнитель
ПЭРИС ДЖЕКСОН
издатель
Dragonflower Enterprises

На фоне откровений жертв предполагаемой педофилии Майкла Джексона, которые бурно обсуждались в 2019-м, почти вытеснился тот факт, что у певца было трое собственных детей. Единственная дочь Джексона, Пэрис, выпустила первый альбом, и он оказался достойной работой, музыкально никак не пересекающейся с наследием отца. И это при том, что, по словам девушки, никого и ничего важнее отца в ее жизни не было и ничего хуже его смерти произойти уже не может. Основное занятие Пэрис Джексон — модельный бизнес, и «Wilted» — типичный альбом девушки-модели (в музыке среди прочих отметились Наоми Кэмпбелл, Карла Бруни и Карен Элсон). Слышно, что музыка не главное ее занятие, слышно, что она не собиралась совершать на этой ниве открытий, но, как оказалось, ей хватило вкуса, чтобы не сделать лишних движений и отобрать только правильные звуки. Вокал Пэрис Джексон напоминает Дайдо, Шинейд О'Коннор и Изобел Кэмпбелл, а лучшие песни — «Collide», «Eyelids», «Let Down» — хорошо смотрелись бы на пластинке Belle & Sebastian.

альбом
STRANGE DAYS
исполнитель
THE STRUTS
издатель
Interscope Records

Лидера английской группы The Sruts Люка Спиллера в 2010-е практически задушили в объятиях. Тогда он восполнил дефицит молодых рок-н-ролльных харизматиков классического образца. Странно, что новый альбом «Strange Days» The Sruts открывают с совместной песни с Робби Уильямсом, который — при всем обаянии Люка Спиллера,— конечно, перетягивает одеяло на себя. Но дуэты — опора альбома. Например, песня «I Hate How Much I Want You» начинается с диалога Люка Спиллера с фронтменом Def Leppard Джо Эллиотом, в котором молодой артист честно сообщает, что записывает «карантинный» альбом и Def Leppard нужны ему в одном припеве. «I Hate How Much I Want You» — идеальный номер для того, чтобы публика вспомнила, кто такие Def Leppard. В следующем номере, «Wild Child», гостит гитарист Том Морелло, и эта песня достойна хорового исполнения на самых больших аренах: жанр стадионного гимна The Struts освоили в совершенстве. А в «Another Hit Of Showmanship» группа создает блестящий оммаж The Cure и The Smiths при живейшем участии гитариста The Strokes Альберта Хаммонда-мл. «Strange Days» — альбом-антитело, здоровая музыка для здорового мира. Когда-нибудь ему найдется применение.

альбом
COMANDANTE
исполнитель
ТОМ МОРЕЛЛО
издатель
Tom Morello

Еще один релиз с карантинными коллаборациями — EP гитариста Rage Against The Machine и Audioslave Тома Морелло. «Comandante» начинается с композиции Джими Хендрикса «Voodoo Child», в которой Морелло демонстрирует свои практически безграничные технические возможности, показывая и нечеловеческую скорость звукоизвлечения, и свой фирменный саунд, который опознается даже в простых грубых риффах. «Interstate 80» — дуэт с гитаристом Guns N'Roses Слэшем. Это диалог двух разных гитарных школ, поверх которого Том Морелло еще и начитал рэп природоохранного содержания. Наконец, «Secretariat» — памятник ушедшему из жизни гитарному гуру Эдди Ван Халену, короткая, но очень сложная в техническом плане пьеса с отголосками классической мелодии Van Halen «Eruption». Трек «Suburban Guerilla» — напоминание о величии Rage Against The Machine, а финальный номер «Cato Stedman & Neptune Frost» — неожиданный радиоформатный блюз в стиле Гэри Мура. Как будто Том Морелло сообщает всем заинтересованным лицам: «Если нужен гитарист, который может сыграть что угодно,— всегда неподалеку».

альбом
THE MAKARRATA PROJECT
исполнитель
MIDNIGHT OIL
издатель
Sony

Были времена, когда олицетворением австралийской музыкальной сцены были не AC/DC, не Ник Кейв и не Кайли Миноуг, а яростная группа из Сиднея Midnight Oil с лысым вокалистом Питером Гарреттом. В конце 1980-х — начале 1990-х они царили на радиочастотах по всему миру, и если INXS пели гимны любви и гедонизму, то Midnight Oil нагружали песни социальной тематикой и вели в своих альбомах непрерывный монолог о проблемах экологии и судьбах Зеленого континента. Первый за 18 лет альбом Midnight Oil — продолжение старого разговора о том, что же будет с родиной и с нами, причем с неизменным акцентом на проблемы аборигенов. В записи диска приняли участие все большие локальные артисты, имена которых, в отличие от Bee Gees, AC/DC или Tame Impala, за пределами Австралии и Новой Зеландии неизвестны. А вот возвращение самих Midnight Oil, безусловно, стало событием международного масштаба. Это та смесь гневной рок-дидактики с фолк-лирикой, которой многим не хватало. И когда Midnight Oil приглашают к микрофону рэпера Тасмана Кита или фолк-исполнителя Фрэнка Ямму, это выглядит абсолютно органично.

альбом
40
исполнитель
БАСТА
издатель
Gazgolder

23 трека — глыба речитатива и госпела, высеченная, возможно, самым авторитетным отечественным рэпером Василием Вакуленко. «40» — сплошная рефлексия на тему ситуации в стране и собственного возраста, но вовсе обойтись без шлягеров Баста не смог. «Поколение X», записанное с певицей ANIKV и коллегой-рэпером Noize MC, в каком-то смысле — продолжение хитовой «Сансары». «На маяке» — легкое и прилипчивое карантинное регги. А в треке «Не дотянуться до звезд» Баста откровенно троллит кальян-рэп, ломая сладенький запев резким сухим речитативом. Печальные итоги 2020 году музыкант подводит в треке «Я вижу», среди прочего замечая: «Мы подставляем спины под плети. Мы одинаково любим пряник и кнут. Нас учат тому, как и в кого нужно верить, но их школа веры — это школа Иуд». Но смысловой центр альбома — песня «Рай.он», в котором «малая родина» становится метафорой мира, движущегося к апокалипсису: «Как ни крути, район крутится вокруг своей оси, он везет этих пассажиров на тот свет, как мертвый таксист». В целом же «40» — из тех альбомов, в песни которого влюбляешься по очереди, разбирая тексты, расшифровывая гиперссылки, сверяя строки со своими мыслями.

альбом
СИТУАЦИЯ
исполнитель
НЕДРЫ
издатель
FFF Records

«Мы познакомились с тобой, когда ты даже не шарила за стиль» — начало нового EP петербургского рэпера Ивана Ворошилова и хорошая первая строчка для русского блюза, который за много лет до него в этом же городе пытался делать Майк Науменко. Сценическое имя Ивана — Недры, а блюз — новая страница в его перенасыщенной стрессом биографии. В ней есть служба в разведке ВДВ, тюремная отсидка, игра на африканских барабанах в метро и работа мануальным терапевтом — недостатка в темах у этого человека не было никогда. Блюзом в новом EP «Ситуация» Недры не ограничивается, да и вряд ли такому активному музыкальному деятелю было бы интересно сделать целый релиз в рамках одного стиля. В треке «Горячее тело» он работает с трэпом и высокотемповым клубным форматом. В «Самом соке» его резко разворачивает в сентиментальную лирику, а «Полетать» оказывается экспериментальным номером, который в течение трех минут меняет несколько стилистических обличий. В финальном номере «Блинк» Иван внезапно превращается в Вудкида — этого сложно было ожидать даже от него.

альбом
MONUMENT
исполнитель
MOLCHAT DOMA
издатель
Sacred Bones Records

Минская группа Molchat Doma выпустила свой третий альбом на американском лейбле Sacred Bones. Сотрудничество белорусов с бруклинскими издателями, в каталоге которых значатся Дэвид Линч, Джозеф ван Виссем, Марисса Надлер и Зола Джизус, началось еще до того, как в TikTok «выстрелил» трек Molchat Doma «Судно». В этом году Беларусь интересна всем — вон даже Gorillaz про нее поют. Но Molchat Doma успешно гастролировали по Европе и США задолго до 2020-го, и новый альбом — хороший повод в очередной раз поразмышлять о том, что привлекает в ее музыке западного слушателя. Molchat Doma по-прежнему поют по-русски. Музыка изменилась. Песни с «Monument» теперь заставляют вспомнить уже не только группу «Кино» и Joy Division, но и «Технологию», «Альянс», «Николая Коперника» и даже «Форум» — одним словом, весь корпус отечественной синтезаторной поп-музыки 1980-х. Оказывается, этот звук сегодня может быть интересен, даже если слова непонятны. К тому же Molchat Doma по-прежнему размещают на обложках и в клипах полумифические архобъекты из «белорусско-советского санатория», которые интригуют не хуже постюгославских «спомеников».

альбом
SONG MACHINE, SEASON ONE: STRANGE TIMEZ
исполнитель
GORILLAZ
издатель
Gorillaz Partnership

«Song Machine» — это собрание песен, которые создатель Gorillaz Деймон Албарн сочинял во время весеннего карантина, а его партнер Джейми Хьюлетт снабжал визуальными решениями. Времени было много, поэтому ко вселенной Gorillaz с ее постоянными героями добавилась еще и сериальная конструкция. «Season One» — не пустые слова. Албарн на самом деле говорит о «Song Machine» как о сериале со своими внутренними законами — арками героев, открытыми финалами эпизодов и т. д. Но если не знать контекста этой работы и каким-то образом не быть в курсе двадцатилетней истории Gorillaz, «Song Machine» все равно останется музыкой с эффектом мгновенного привыкания и кучей приятных гостей, среди которых — Скулбой Кью, Бек, St. Vincent, Элтон Джон, Слоутай, Slaves, Скепта и покойный Тони Аллен. Этот фантастический мир имеет четкие пересечения с миром реальным. В заглавной песне, записанной с участием Роберта Смита (The Cure) Деймон Албарн поет: «Я мчусь по лесу, и до меня долетает странное эхо Беларуси, где президенты вешают ярлыки на безработных молодых людей. Мы вертимся как белки в колесе и режем стекло ножницами, пока сильные мира сего нежатся в своих золотых хоромах».

РЕСТОРАННАЯ КРИТИКА
С ДАРЬЕЙ ЦИВИНОЙ

«БЕЛУГА»

СКУМБРИЯ КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА

По приглашению Александра Раппопорта в Москву переехал питерский шефповар Евгений Викентьев и возглавил кухню ресторана «Белуга». В этом событии все вызывает удивление и восторженный интерес. Ну разве что кроме экстренного десантирования очередного шефа из Петербурга в Москву — миграция по указанному маршруту в этом году стала настолько устойчивым трендом, что теперь открыть в Москве ресторан, если шеф не из Питера, вроде как не comme il faut. Но Евгений Викентьев — не просто шеф, а Шеф с большой буквы, и в этом главная интрига. Ресторанная империя Александра Раппопорта, отстроенная всего за несколько лет, никогда не могла похвастаться золотыми кадровыми резервами. Собственно, главным бренд-шефом этой империи неизменно был и остается сам Александр Раппопорт, и если вы зададитесь вопросом, какие выдающиеся молодые шефы «вышли из его шинели», то испытаете замешательство: ну невозможно же в этом контексте всерьез рассматривать обаятельного шефа-«трюкача» Артема Мартиросова («КрабыКутабы») или «спеца» по рыбе Андрея Палесику, недавно возглавившего Erwin (до сих пор не могу забыть его провальную дегустацию в закрытом ныне ресторане Humans). Из ресторанов Аркадия Новикова за 30 лет вышло множество шефов, которые сами уже стали рестораторами: вспомним хотя бы Глена Баллиса, Уиллиама Ламберти, Мирко Дзаго. Огромный кадровый вклад в ресторанную индустрию внес когда-то Кирилл Гусев, чей «Ресторанный синдикат» воспитал и поставил на крыло Дмитрия Зотова, Изекелле Барбуто, Карло Греку. Борис Зарьков выращивает молодые шефские кадры с завидной методичностью, правда, для нужд исключительно собственного холдинга. Самым громким кадровым приобретением ресторатора Александра Раппопорта за годы его стремительной карьеры стало приглашение на работу Антона Ковалькова — учитывая феноменальную переоцененность этого одиозного повара на российском рынке, уход его из «Белуги» был лишь вопросом времени. Но вдруг основатель титульного ресторана русских деликатесов в возрастной гостинице «Националь», с элитной водкой литрами под черную икру килограммами, делает совершенно неожиданную ставку. Он приглашает из Петербурга самого тонкого, самого самобытного и самого одаренного шефа, который, подобно юному Давиду, легко справится со всей плеядой московских Голиафов, под предводительством несменяемого Владимира Мухина и стабильных братьев Березуцких, дай ему только в руки скумбрию, перец чили, кинзу и фисташки. И вот такому шефу вверяется кухня повидавшей виды «Белуги». Пока предлагаются только восемь блюд, четыре из которых являются блюдами-визитками Викентьева, а еще четыре придуманы уже в Москве. Та самая скумбрия с соусом из фисташек, гелем из перцев и кинзой (600 руб.) из числа фирменных блюд — свидетельство уникального таланта молодого шефа, ее даже нет смысла анализировать: если бывает на свете гениальная еда, как бывают гениальная музыка и живопись, затрагивающие самые сокровенные струны человеческой души (а вовсе не слуха или зрения), то это ее идеальное воплощение. Викентьев с помощью вкуса обращается к нашему воображению, и ровно тот же эффект производит мусс из сибирской облепихи с мороженым из вареной сгущенки, гречневыми чипсами и еловой пудрой. Это не просто десерт, это одухотворенное высказывание о родине, детстве, природе, историческом пути. Ничего подобного, сидя за столом в ресторане, я никогда не испытывала. Помимо этих двух шедевров международного уровня, в меню появились эффектные пельмени (900 руб.) с волжской копченой щукой и фуа-гра, бульоном из сена и грибов, виртуозный лосось (950 руб.), смазанный еловым маслом, с соусом из квашеной моркови и устричным листом, открывающим новые границы органолептического восприятия мира, и прелестная «Павлова» (450 руб.) с южной хурмой, мороженым из ряженки, лимонными меренгами и эстрагоном, в которой безупречно выверен каждый вкусовой штрих. Волнующая развязка всей этой невероятной истории прячется в будущем. Очевидно, что выдающийся бизнесмен и маркетолог от бога Александр Раппопорт не захочет пожертвовать целевой аудиторией «Белуги», той самой, которая привыкла на «Завтрак бурлака» (40 000 руб.) заказывать килограмм черной икры и литр Beluga Noble, а потому все перемены на кухне, задуманные новым шефом, будут выстраиваться на компромиссах. Также очевидно, что Евгений Викентьев не впишется в колоритный «национальный» антураж, даже с учетом запуска авторского сета в формате chef's table в начале следующего года. Но если «Белуга» изначально рассматривалась как тестовая площадка для нового тандема и в планах у Александра Раппопорта запуск нового ресторана с авторской кухней Викентьева и прицелом на звезды Michelin, то он переиграл всех, и почетное место в пантеоне отцов-рестораторов, явивших миру самых выдающихся российских шефов, ему пожизненно обеспечено. Ждем развития событий.

★★★★☆

Моховая улица, 15/1, +7 495 901 0336

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕСС-СЛУЖБОЙ РЕСТОРАНА

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕСС-СЛУЖБОЙ РЕСТОРАНА

6 AM BREAD KITCHEN

БУЛКИ С КОРИЦЕЙ ПО-ФРАНЦУЗСКИ

Новая кафе-пекарня 6 am bread kitchen общей площадью 55 кв. м работает по французскому лекалу: хозяйка заведения Юлия Артамонова, окончившая парижскую пекарскую школу Алена Дюкасса, каждый день приезжает на работу к пяти утра, чтобы самолично печь вкуснейший хлеб на итальянской муке (от 150 руб. за порцию), разноцветные круассаны на новозеландском масле (от 120 руб.) и огромные пухлые булки-бастарды (200 руб.), плотно «набитые» цейлонской корицей. Все это производится на крошечной кухне, где ей помогает муж, профессиональный сомелье с огромным стажем, семейный бизнес они открыли на собственные деньги и управляют им полностью сами, на кухне и в зале помогают несколько молодых ребят, все тоже энтузиасты и любители своего дела. Когда попадаешь в 6 am, создается полнейшая иллюзия пребывания в Париже, лишь неожиданный «дубляж» на русский язык выдает привычную московскую локацию. Помимо хлеба и выпечки, каждый день с утра предлагаются несколько блюд дня — на завтрак (до 15.00) и на обед,— так что к 20.00, когда пекарня закрывается, все съедается подчистую. Меню каждый день разное в зависимости от закупок — например, яйца скрэмбл на теплом хлебе с базиликовым маслом и микрозеленью (300 руб.), лосось гравлакс с гремолатой из фенхеля и сельдерея на тартине (350 руб.), томатный суп с кейлом, ньокки и фокачча (300 руб.), картофельный гратен со шпинатом (300 руб.), лазанья с говядиной и томатами (300 руб.), киш дня (300 руб.). Зал всегда полон, и публика соответствующая: для завсегдатаев 6 am — идеальное место, чтобы почувствовать себя в любимой обстановке, пока не открыли границы и Париж кажется таким далеким. Да и когда все вернется на круги своя, московская пекарня с французским прононсом точно не будет в убытке, ведь такие драгоценные места в Москве наперечет.

★★★★☆

Садовническая улица, 80,
+7 903 509 9919

ЕДА
С АЛЕКСЕЕМ ЗИМИНЫМ

СЫРНЫЕ ЛЕПЕШКИ НА КЕФИРЕ

для теста

1 **Мука** (*600 г*)
2 **Сахар** (*1 чайная ложка*)
3 **Дрожжи** (*5 г*)
4 **Вода теплая** (*150 мл*)
5 **Кефир теплый** (*200 мл*)
6 **Яичный желток** (*2 штуки*)
7 **Растительное масло** (*20 мл*)
8 **Соль** (*1 чайная ложка*)

для начинки

9 **Творог жирный** (*300 г*)
10 **Сыр «Российский»** (*150 г*)
11 **Чеснок** (*4 зубчика*)
12 **Яйцо** (*2 штуки*)
13 **Укроп и зеленый лук** (*по вкусу*)
14 **Соль, перец**
15 **Топленое масло для смазки**

В апокалиптическом сумраке фильма «Война миров Z» герой Брэда Питта в какой-то момент сумел разглядеть, что миллиард зомби, не оставивший живого места от Филадельфии, Иерусалима, Нью-Йорка и Москвы, опасен только для здоровых. Лавина мертвяков уничтожает все живое, кроме алкоголиков, хронических больных и умирающих. Вооруженный этой гипотезой Брэд Питт тут же вводит себе несколько кубиков какой-то сибирской язвы и, невидимый для супостата, спасает мир.

Сюжет практически евангельский: блаженны плачущие ныне, ибо воссмеетесь. Человеку, в сущности, не дано знать, что из данного ему суть сокровища, а что — не пойми что. Ничего нельзя списывать со счетов.

Первой пандемической весной французы обратили внимание на то, что курильщики, вопреки всем прогнозам, гораздо легче переносят ковид. Британские врачи тоже удивленно вскинули бровь по этому поводу, но тему быстро замяли: признать сегодня хоть какую-то пользу от табака — это как требовать пересмотра Холокоста или залоговых аукционов.

Или взять жир. Было время, когда он опережал никотин в медицинском беттинге, ничего хуже в паддоке мирового зла не запрягали. Однако выяснилось, что жир — единственное, с чем человек может выступить против деменции и Альцгеймера, а раньше этого не знали просто потому, что мало кто доживал до возраста, когда эти болезни становятся бичом.

Не буду предлагать вам затянуться «Житаном» на этом месте, тем более что его рецепт, похоже, утерян и даже во Франции под этой маркой продают ремикс сигарет «Лайка» или «Родопи»,— сосредоточимся на жире и приготовим замечательные в своем роде сырные лепешки. Только на Кавказе у них дюжина имен, но вообще это настолько мультикультурная история, что я не стану давать ей какую-то узкую этническую маркировку. Лепешки и лепешки.

Сначала тесто (не будем останавливаться тут на том, полезен глютен или вреден, наверняка у него тоже есть какая-то своя развивающая роль, возможно, на семнадцатом десятке от него меньше лысеют, бог весть).

Итак. Смешаем слегка теплую воду со слегка теплым кефиром, дрожжами и сахаром. Оставим на десять минут. Далее венчиком вобьем в эту смесь желтки и растительное масло. Соль смешаем с пшеничной мукой и выльем туда яично-кефирную смесь, замешаем тесто. Минут десять хорошего вымешивания. Руками или при помощи миксера. Тесто должно быть гладким, слегка упругим и может самую малость липнуть к рукам.

Замесив, его надо завернуть в пленку и отправить на час в холодильник.

Достав из холодильника, разделить на 10–12 частей.

В глубокой миске смешать творог, яйца, тертый сыр, давленый чеснок, мелко нарубленную зелень. Посолить и поперчить смесь.

Раскатать куски теста в виде круга диаметром 18–20 см и толщиной 2–3 мм.

Выложить начинку, распределить ее по одной половине так, чтобы оставались открытыми края, и скрепить со второй половиной теста так, чтобы получился плоский полукруг.

На среднем огне нагреть сковороду и обжарить лепешки на сухой сковороде до аппетитной корочки. Смазать топленым маслом и выложить на тарелку. И так до тех пор, пока есть начинка и есть тесто.

Подавать к столу с черным чаем, в котором растворена ложка меда и хорошая порция лимонного сока. Британские врачи не так давно выяснили, что мед и лимонный сок тоже не на помойке себя нашли.

Алексей Зимин — главный редактор сайта «Афиша-Еда»

Новые наряды культовой сумки

Марина Прохорова о Dior Lady Art № 5

Recycle Group

Этот уже пятый выпуск проекта Dior Lady Art. Проект по-прежнему состоит в коллаборации Christian Dior и известных современных художников, художники по-прежнему работают с легендарной Lady Dior среднего и маленького размера, созданной Джанфранко Ферре в 1983-м, и по-прежнему каждая сумка этого проекта выпускается очень ограниченным тиражом. В Dior Lady Art № 5 приняли участие девять художников и один художественный коллектив — уже имеющий связи с Christian Dior дуэт Recycle Group из России

Recycle Group была создана в 2008 году художниками Андреем Блохиным и Георгием Кузнецовым, а темой их стало место человека в постиндустриальном обществе. Объектом ресайклинга, вторичной переработки, художники считают не упаковку и товары, а человека и природу, сам же ресайклинг понимают как возможность возрождения и виртуального бессмертия. Большая часть их работ выполнена из материалов, подразумевающих вторичную переработку, но сумки Lady Dior в интерпретации Recycle Group выполнены из металлизированной кожи. Изменению подвергся ставший культовым каннаж, имитирующий плетение из ротанга диоровский вариант простежки. Представлены два варианта — с как будто бы растекающимися узорами простежки и с простежкой, закрученной по спирали.

Молодой южноафриканский художник Крис Соал использует самые банальные повседневные материалы, чаще всего уже использованные бытовые предметы, для создания фантастических и романтических композиций. Его сумки Lady Dior украшены либо затейливо свернутыми покрашенными пивными крышечками, либо распушившимися, как мех, зубочистками. В брелоках с логотипом Dior буква O стилизована под открывающее кольцо банки пива. Это непривычно, но и соломка, и ракушки, и кожа когда-то тоже были дешевыми расхожими материалами, так что ценность этой работы в несомненном мастерстве и художественном вкусе художника.

Крис Соал

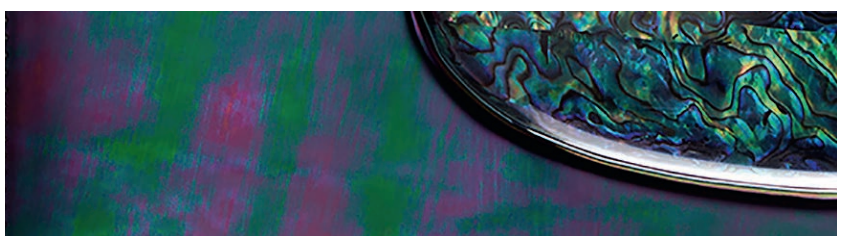

Жоэль Андрианомеаризоа

Жоэль Андрианомеаризоа родился на Мадагаскаре, по образованию он архитектор, а творчество его связано со многими дисциплинами — модой, сценографией, архитектурой, инсталляциями и нефигуративной живописью. Самое важное в искусстве этого художника — то, что он умеет в абстракциях очень явно передать настроение, Жоэль Андрианомеаризоа большой мастер того, что называют «эстетической эмоцией». И обе его вариации сумок Lady Dior из сложно вырезанных и сложенных в объемные композиции полосок темной кожи и расшитого вручную плотного шелка крайне выразительны и драматичны. И красивы безусловной красотой.

Американская художница Гизела Колон, работающая в стилистике, как она сама это определяет, «органического минимализма», соединяющего искусство и науку, прославилась скульптурами, созданными из высокотехнологичных материалов. Две ее Lady Dior — маленькая, радужно-серебристая, и средняя, цвета павлиньего пера,— переливаются благодаря голографической поверхности, абсолютно футуристичны и символизируют связь фантазий с реальностью и мечту о межгалактических путешествиях. Овальные выпуклые линзы на передних стенках сумок дополнительно преломляют отражение цвета и света на поверхности и подчеркивают их таинственность и нарядность.

Джуди Чикаго — известная американская художница и общественная деятельница, одна из основоположниц феминистического искусства (сам этот термин в 1970 году впервые употребила именно она), со временем расширила сферу своих интересов, но ее творчество по-прежнему посвящено прославлению тех, кто борется с любыми видами неравенства. Для проекта Dior Lady Art № 5 Джуди Чикаго создала в двух размерах сумки, расписанные абстрактным психоделическим создающим иллюзию объемности узором неоново-ярких оттенков.

Гизела Колон

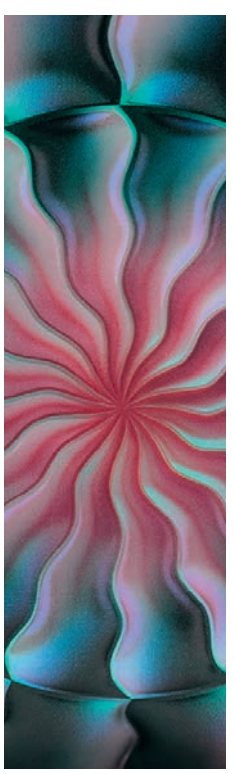

Джуди Чикаго

Сун Дун

Китайский художник Сун Дун назвал свою Lady Dior «Окна». Передняя стенка и боковины созданной им сумки состоят из обрамленных в многослойные кожаные цветные рамки прямоугольных зеркал разных пропорций и размеров. Эта частично зеркальная сумка при жесткой структурированности формы и отделки всегда выглядит по-разному, поскольку отражает окружающий мир. Взаимодействие внешнего и внутреннего миров и есть главная идея художника, ушедшего от традиционной живописи к авангардным междисциплинарным формам и постоянно возвращающегося к теме открытости личности и общества, проблемам освобождения от последствий китайской «Культурной революции» и отношению к культурному и семейному наследию.

Француженка Клер Табуре создает фигуративное искусство — или берет фигуративные предметы в качестве основы. А потом расписывает их фантазийно или абстрактно. Весьма изобретательно — на средней сумке Lady Dior ее работы помещен автопортрет с размазанной помадой, вполне в духе серии работ художницы «Макияж». На маленькой сумке изображен какой-то вдохновенный танец. Для обеих сумок Клер Табуре использовала искусственный мех и акриловые краски, так что вместе они производят довольно фантасмагорическое впечатление.

Швейцарская художница с малайско-индийскими корнями Ольга Титус придерживается теории «третьего пространства». Это постколониальная социолингвистическая теория идентичности сообществ, реализованной через язык или образование. В исполнении художницы теория преобразуется в яркое, радостное смешение различных ремесленных техник и культурных символов и символизирует соединение реальности с виртуальным миром. В ее сумках для проекта сложный геометрический орнамент ярких психоделических цветов вышит шелком и пайетками. Внешнюю сторону одной из моделей украшают маленькие копии ритуальных масок разных стран. Это узнаваемая подпись Ольги Титус, символическое изображение расположенного в «третьем пространстве» кабинета с диковинами.

Клер Табуре

Ольга Титус

Бхарти Кхер

Родившаяся в Великобритании и вернувшаяся в Индию на историческую родину художница Бхарти Кхер создает сюрреалистические скульптуры в виде всевозможных химер, будь то гибрид сердца с муравьем или манекена с коробками. Но ее сумки для Dior Lady Art № 5 кажутся почти традиционными: они вышиты в узнаваемой индийской технике, маленькая — в сине-белых, «водных» цветах, средняя — в красно-оранжевых, «огненных». В центре круга разлетающихся головастиков — точка, ассоциирующаяся с «бинди», точкой между бровями индийских женщин, важный для индийской космогонии «третий глаз».

Май-Ту Перре — швейцарская художница франко-вьетнамского происхождения. Работы Перре многодисциплинарны, от инсталляции до перформанса. В своих работах она соединяет рукоделие, эстетику Баухауса и литературные тексты. Для сумок Lady Dior в среднем и малом размерах и черном и белом цветах Перре придумала алфавит, напоминающий об экспериментальных методиках, применявшихся в немецких детских садах конца XIX века. Вышитые бисером по фактурному гобелену, эти знаки выглядят нарядно и интригующе.

Май-Ту Перре

Реклама

НА ПУТИ К МЕЧТЕ

LOUIS VUITTON